

АЛЕКСАНДР РАЗУМИХИН

“КАК НАШЕ СЕРДЦЕ СВОЕНРАВНО!”

Где тут правда, где полуправда, а где сушая ложь – ни мне, ни кому другому знать не дано. И тем не менее, об отношениях Пушкина с женщинами написаны тысячи страниц. Можно подумать, что каждый из несметного легиона уверенно рассуждающих о женщинах, фигурирующих в так называемом “донжуанском списке” Пушкина, и об отношениях поэта с теми из них, кто в списке обозначен и кто в него не попал, лично присутствовал при описываемых им событиях.

Этот список, выписанный рукой Пушкина, породил всплеск интереса пушкинистов к адресатам его любви, и в особенности к расшифровке загадочного символа NN, помещённого среди реальных женских имен. Говорю “реальных”, так как имена действительно реальные, однако на ряд имён оказались по две-три и более реальные претендентки. Пушкин сыграл с потомками злую шутку, “заставив” специалистов и почитателей поэта гадать, порой на кофейной гуще: кто, например, значится под № 14 в первом столбце: Екатерина Николаевна Ушакова, в альбоме сестры которой Пушкин писал этот список, Екатерина Николаевна Карамзина, дочь историографа (по мужу с 1828 года княгиня Мещерская), или Екатерина Васильевна Вельяшева (по мужу с 1834 года Жандр)?

Или кто значится под № 1 во втором столбце: Мария Николаевна Раевская (в замужестве Волконская), Мария Егоровна Эйхфельдт, Мария Васильевна Борисова, Мария Аркадьевна Суворова (в замужестве Голицына) либо Мария Александровна Урусова (в замужестве Мусина-Пушкина)?

Немного истории: название “донжуанский список” Пушкина родилось с лёгкой руки Павла Сергеевича Киселёва – сына московского знакомого Пушкина, полковника л.-гв. Егерского полка Сергея Дмитриевича Киселёва (в апреле 1830 года тот станет мужем младшей из сестёр Ушаковых – Елизаветы Николаевны). По шутливой просьбе девушки поэт, отмечая весёлый “День ангела Д. Жуана”, выстроил в её альбоме две колонки имён женщин. Правда, на одной странице все имена не поместились, и три из них пришлось перенести на другую страницу. Было это 2 июня 1829 года. Впервые список был напечатан, причём факсимильно, в “Альбоме Пушкинской выставки 1880 года” (изданном в 1887 году). Тогда-то всё и началось! Уже в приложенном к нему “Биографическом очерке” А. А. Венкстерна дано первое “осмысление” этого списка. В итоге со ссылкой на П. С. Киселёва, сына Елизаветы и племянника её сестры Екатерины, ничтоже сумняшеся объявлено, что сие есть перечень всех женщин, которыми Пушкин увлекался. Самое занимательное, что П. С. Киселёву в год смерти Пушкина было неполных шесть лет, а самих владелицы альбома, его тётушки, отца, кто мог бы прояснить, как, при каких обстоятельствах возник этот перечень, никого уже не было в живых. Однако

придуманной веселящейся хмельной компанией “День ангела Д. Жуана” обернулся сотнями публикаций на эту тему. Самое курьёзное в “донжуанском списке” — его двусмысленное название. Ведь в нём фигурируют имена и тех женщин, с которыми у Пушкина близких отношений заведомо не было.

Зачастую на любовные отношения Пушкина глядят сквозь призму его поэзии. При этом каждый видит своё и, естественно, осмысляет увиденное по-разному. Иные “пушкинисты”, противники всяческих иллюзий, выхватив из текста строки “когда легковверен и молод я был, младую гречанку я страстно любил”, непременно озадачиваются вопросом, о какой именно гречанке идёт речь: имя, фамилия, возраст, семейное положение... И не могут успокоиться, пока не облюбуют достойную кандидатуру.

Существуют два типа читательского восприятия любовных отношений поэта. Суть первого, часто встречающегося, состоит в том, что на стихи глядят, как на зеркальное отражение реальных чувств конкретного мужчины, в данном случае, поэта к конкретной женщине. В таком случае стихи превращаются в рифмованную риторику на любовную тему. И соответственно, если в них, допустим, есть строчка, сообщающая, что накрапывал дождь, когда действующий персонаж спешил на свидание, значит так оно в действительности и было: поэт попал под лёгкую морось, торопясь на встречу с любимой.

Другой тип читательского восприятия исходит из того, что на самом деле происходившие события стали для поэта отстранённым переживанием, фактом его внутренней жизни. Объективность отошла в сторону — она оказывается всего лишь некоей “исходной точкой”. Ей на смену приходит неприкрытая субъективность и крайне пристрастные чувства. В этом случае конкретная особа женского пола, сохранив, а нередко утратив черты реальной личности, становится лирической героиней. Реальный бытовой факт, имевший место, становится поэтическим событием, основой лирического сюжета. Порой может случиться так, что в результате авторской редактуры стихотворного текста от реального события даже деталей не остаётся. В нём истина присутствует уже в совершенно особом качестве, заведомо удалённой от происходившего между поэтом и предметом его обожания. Именно такие стихи становятся тем, что мы называем любовной лирикой.

Стихотворения Пушкина о любви и являются именно любовной лирикой. В ней, конечно, есть отзвуки реальных встреч, симпатий и даже чувств, но они нечётки и абстрактны. А потому даже знаменитое “гений чистой красоты”, вроде бы адресованное конкретной женщине, взято им “напрокат” у Жуковского, из его стихотворений, тоже о любви, “Я музу юную бывало...” и “Лалла рук”. (В своих прижизненных изданиях Пушкин неизменно выделял эту строчку курсивом, что по обычаям того времени значило: речь идёт о цитате.) В определённом смысле это выражение малоотличимо от известного “Мой друг, отчизне посвятим // Души прекрасные порывы!” Во всяком случае, выражение “гений чистой красоты” не более конкретно, чем “души прекрасные порывы” или “звезда пленительного счастья”. Каждое из них прочитывается лишь в контексте поэтического освоения лирического содержания.

Тогда как в реальной жизни о своём “прообразе”, заявленном как “гений чистой красоты”, Пушкин позволял себе иные лексические “красоты” (в письме С. Соболевскому): “Безалаберный! Ты ничего не пишешь мне о 2100 р., мною тебе должных, а пишешь мне о М-те Керп, которую с помощью Божией я на днях уб...л”. А в письме к Алексею Вульфу он именует её не иначе, как “наша вавилонская блудница Анна Петровна”.

Фу, как грубо выражается Пушкин! Каков хам, ещё вчера добивавшийся внимания этой женщины! Подобными репликами переполнены сегодня социальные сети, авторы которых “открывают” незнакомого для себя Пушкина. Что касается грубости, то на вопрос “зачем она?” Пушкин ещё в 1823 году из Одессы писал князю Вяземскому:

“Я желал бы оставить русскому языку некоторую библейскую похабность”.

Есть и другой вопрос: “Отчего так? Отчего вчера — “гений чистой красоты”, а сегодня — никакой тебе чистоты и красоты?” Самый простой ответ: творческое мышление предпочитает ходить сложными путями. Черты личного темперамента вкпе с органическим пушкинским жизнелюбием, дерзостью желать и добиваться желаемого, внутренней свободой раскрепощённого человека накладывали отпечаток на личное, бытовое поведение поэта, про которое можно сказать, что оно нередко не умещалось ни в какие рамки, било через край.

Ещё в 1825 году, внимательно обдумав “Горе от ума”, Пушкин пишет о пьесе большое письмо А. А. Бестужеву:

“... писателя должно судить по законам, им самим над собою признанным. Следст. не осуждаю ни плана, ни завязки, ни приличий комедии Грибоедова. Цель его — характеры и резкая картина нравов”.

Хочется быть чудаком и последовать за пушкинской мыслью, перенеся её непосредственно на самого поэта и его женщин, не осуждая ни плана, ни завязки, ни приличий их отношений. С единственной целью — осмыслить резкую картину нравов, столь отличных от века нынешнего.

Сегодня произведения Пушкина многим уже приходится читать со слезами. Для кого-то прозвучит странным, но прежде чем открыть его томик стихов о любви или затеять знакомство с его биографией, в которой любовь и любовные отношения — серьёзные страницы его жизни, советуя хотя бы немного познакомиться с тем историческим периодом, в котором он жил. Для плотской любви (слово “секс” тогда ещё не существовало) очень важно, когда она происходит — по крайней мере, в какую историческую эпоху. Казалось бы, про любовь все всё знают. Но в современном мире большинство из нас ведёт образ жизни, всё же отличающийся от того, что был присущ началу XIX столетия. И отношение к женщине, к плотской любви у нашего героя (не у него одного) совсем иное.

Непросто, но без этого не обойтись: чтобы приблизиться к Пушкину, нужно воссоздать исторические, общественные, семейные подробности событий, взаимоотношений, перекрещивающихся судеб давно уже отшумевшей жизни; осмыслить эпистолярное и мемуарное наследие десятков реальных персонажей пушкинской эпохи и пушкинского круга общения, потому что фактическую сторону русской истории большинство из нас знает очень скверно.

Есть данность — натура поэта, в которой всё обострено. Попойки, неизбежные карты и “рассеянный образ жизни”, непременно включающий в себя “визиты к девкам”... Однако не нужно списывать на гены матери, поминать арапские корни. Он ведь был несдержан не только в поведении с женщинами. Общительный, добродушный и доверчивый по натуре, Пушкин был мастером светской беседы и переписки, но он постоянно совершал какие-нибудь выходки, которые уже в царствование Николая I немалому числу людей казались ужасными. Сознал ли он сам это?

В лишённом экзиков писем князю П. А. Вяземскому от 27 мая 1826 года он проговорился:

“Мы живём в печальном веке, но когда воображаю Лондон, чугунные дороги, паровые корабли, англ. журналы или парижские театры и бордели — то моё глухое Михайловское наводит на меня тоску и бешенство”.

Ясное дело, все мы крепки задним умом, особенно если наблюдать со стороны соединение им воедино театров и борделей. Но коли уж глядеть по прошествии лет и без малейших “претензий”, то складывается впечатление, что или женский идеал, поэтически “созданный” Пушкиным, направлял сексуальную энергию поэта на женщин, не очень-то соответствующих ему, или же он был мало озабочен этим самым соответствием.

Может быть, я ошибусь в каких-то мелочах, говоря о той или иной женщине. Но вслушиваясь в “пьесу” собственной жизни, написанную Пушкиным, я не намерен критиковать ни его самого, ни женщин, которые любили его, ни женщин, которых любил он. Мне хочется уловить те штрихи, из которых возникали реальные портреты, “встроенные” в окружающую атмосферу исторического фона.

Жить в постоянном напряжении страстей было для Пушкина не уступкой темпераменту, как кому-то кажется (мол, играла взрывоопасная смесь африканской крови и вольного французского воспитания, решительного по амурной части), а сознательной жизненной установкой. И страстями, способствующими поэтическому вдохновению, для него были не только женщины, но и окружение будущих декабристов, страстью для него была и поэзия, и уединение на лоне природы. А самой сильной из страстей — черта, знакомая нам по И. А. Крылову и Ф. М. Достоевскому, — он признавал страсть к игре. Так что представить натуру Пушкина, построенную на основе аскетизма, невозможно.

Как невозможно назвать аскетичным и само время, в которое жил Пушкин. Без этого не понять ни его поэзию, ни его переписку, ни его самого, ни его окружение, людей, с которыми он общался, в среде которых он жил, в обществе которых он вращался.

Начну от противного, нетипичного случая, и потому вошедшего в историю. С ним связаны две легенды. Одна – вполне возможная, будто бы Пушкин, оказавшись на Кавказе, посетил на горе Мтацминда ещё свежую могилу Грибоедова. Там юная вдова установила памятник погибшему мужу – пьедестал из чёрного мрамора и изваяние плачущей вдовы, охватившей руками крест, с надписью: “Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя?” Постоял, преклонил пред могилой колени, а когда встал, на его глазах блестили слезы: такая любовь – мечта каждого мужчины!

Существует и другая легенда, не менее возможная. Будто Пушкина потряс уже сам брак Грибоедова – неожиданный и скоротечный: приехал, увидел и завертелся приготовления к свадьбе. И главное: тёзка, трудно вообразить, “женился он на той, которую любил”, и та тоже любила его! Как-никак, женитьба по взаимной любви, надо признать, по тем временам была большой редкостью. Мол, желание взглянуть на Нину Чавчавадзе было даже одной из целей его поездки на Кавказ. Встречается мнение, что, увидев её, он утвердился во мнении, что жениться надо, как и Грибоедов, только на юном создании.

Любая легенда всегда приближена к правде. В те времена брать в жёны юное создание было обыкновенным явлением, почти что нормой. Невеститься девочки начинали лет в 13 (немало случаев, когда в столь юном возрасте уже становились жёнами). Через два года это уже барышни на выданье, и их вывозят на балы-смотрины, предлагая женихам, когда завидным, когда не очень. Зачастую о какой-то там любви и речи не шло. В девушке искали красоту и достойную семью. От будущего мужа родители невесты хотели состояния и знатности. Обычно возраст кандидата в мужья даже в расчёт не принимался.

Можно, конечно, сослаться на суждение англичанки леди Рондо, отмечавшей, что русские мужчины того времени смотрели “на женщин лишь как на забавные и хорошенькие игрушки, способные развлечь”. Но есть смысл привести более конкретные примеры.

Первый, кто приходит на память, Андрей Тимофеевич Болотов. Русский писатель, мемуарист, философ-моралист, учёный-ботаник и агроном, он был сыном мелкого помещика из Тульской губернии, ранее служившего в армии полковником. Болотов жил в одно время с Пушкиным, разве что был несколько старше. Современный читатель может обратиться к его знаменитым “Запискам” (в 3-х томах), носящим название “Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков”, в которых ярко изображён внутренний быт русского общества.

Мы коснёмся одной его грани. В 26 лет Болотов, считавшийся завидным женихом, пленился некоей грациозной девушкой, но счёл её “холодной”. Любопытно, сколько раз, давая такую оценку, он её просто-напросто видел. Ведь бывало неписаное правило, по которому родители препятствовали свиданиям девушки до венчания.

Воспитанная по старинке, требовательная к себе и к окружающим княгиня Наталья Долгорукова вспоминала:

“В тогдашнее время не такое было обхождение, в свете примечали поступки молодых девушек... тогда не можно было так мыкаться, как в нынешний век”.

А в воспоминаниях её современницы Марии Сергеевны Николовой “Черты старинного дворянского быта”, в рассказе о десятых годах XIX века, находим подтверждение слов княгини, что, по понятиям того времени, даже “вести переписку невесте с женихом” в дворянских семьях “не считалось строго приличным”.

Если двум частным мнениям требуется научное подтверждение, то можно сослаться на авторитет Ю. М. Лотмана, комментирующего известный эпизод письма 17-летней Татьяны Онегину:

“Посылая письмо Онегину, Татьяна ведёт себя по нормам поведения героини романа, однако реальные бытовые нормы поведения русской дворянской барышни начала XIX в. делали такой поступок невыносимым: и то, что она вступает без ведома матери в переписку с почти неизвестным ей человеком, и то, что она первая признаётся ему в любви, делало её поступок находящимся по ту сторону всех норм приличия. Если бы Онегин разгласил тайну получения им письма, репутация Татьяны пострадала бы неисправимо”.

Другими словами, в романе Пушкина со стороны автора получает оправдание “своенравие страстей”. Тем не менее, литературная ситуация не высосана из пальца, она была в духе столь хорошо знакомых Пушкину французских

любовных романов с их обманами “и Ричардсона, и Руссо”. Александр Сергеевич просто перенёс её на нашу литературную почву. И это вызывает вопрос: чего в тоне авторского повествования больше, симпатии или иронии? Забегая вперёд, надо сказать, что бытовое неприличие поступка Татьяны заставляет скептически отнестись к существующей гипотезе, будто бы образцом для письма явилось реальное страстное письмо, якобы полученное Пушкиным от юной Марии Раевской. Предположение такое бытует, серьёзные доказательства его напротив отсутствуют.

Но вернёмся к Андрею Болотову. Поборов увлечение, он обратился к “запасной” невесте – 12-летней девочке. Та была “ровней”: единственная дочь и наследница, воспитанная разумной матерью-вдовой с хорошим родством. Жених очень понравился матери и тётке. От самой девочки добиться ответа, как она находит жениха, не смогли – она сконфуженно пряталась. Однако не просила, чтобы оставили её в покое, и потому старшие сочли, что жених ей “не противен”. По обоюдному соглашению сторон сговор отложили на год, когда невесте сравняется 13 лет. Писатель решил, что юную, неиспорченную светом и модами девушку он сможет воспитать по-своему: развить в ней любовь к чтению.

Спустя год, как договорились, свадьбу сыграли. В 14 лет с большими опасностями для здоровья юная жена стала матерью. Как складывалась их семейная жизнь? Если коротко, то она апатично относилась к мужу и ко всему, чем он старался занять и заинтересовать её и по дому, и по хозяйству. Это глубоко огорчало мемуариста; большим утешением послужили ему живость и отзывчивость ещё молодой тётки, которая стала для него приятным собеседником и товарищем в его агрономических работах.

Так что Александр Грибоедов, взявший в жёны грузинскую княжну, когда ей было 15 лет, явление обычное. Чтобы убедиться, что такое происходило в разных слоях и сословиях, можно упомянуть, что отец будущего митрополита Филарета – Михаил Фёдорович – женился в 1782 году на Евдокии Никитичне, которой было 15 лет.

Специалисты в области семейного права и обычаев в России отмечают, что попытка отойти от старой традиции низкого брачного возраста невест была сделана ещё в начале XVIII века. (Указ о единонаследии 1714 года определял 17 лет как возрастной ценз девушек при вступлении в брак.) Однако обычай выдавать замуж рано, в 12 лет, когда девочки были несамостоятельными и зависимыми не только от воли, но и от житейского опыта родителей, продолжал сохраняться, несмотря ни на какие указы.

Кстати, русская литература прекрасно отразила это явление. Читавшие хотя бы первый том “Войны и мира” припомнят, что Наташе Ростовой 12 лет, когда она влюбляется в князя Бориса Друбецкого, которому 20 лет. Услышав от него, что через четыре года он будет просить её руки, а до этого времени им не следует целоваться, она считает по тоненьким пальчикам: “Тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать”. А “умники и умницы”, знающие роман Надежды Дуровой (той самой кавалерист-девицы) “Игра судьбы, или Противозаконная любовь”, получили бы орден за правильный ответ на дорожке, сказав, что главную героиню родители выдают замуж, когда ей ещё нет четырнадцати.

Да, в начале XIX века в дворянской среде обнаружилась тенденция к повышению брачного возраста. Родители известного мемуариста Г. С. Винского обвенчались, когда матери было 16 лет. При упоминании возраста юной незамужней девушки в мемуарах стало употребляться словосочетание “ей было уже 17 лет”.

В “Воспоминаниях” фрейлины Н. Н. Мордвиновой о своём отце, графе Николае Семёновиче Мордвинове, – государственном деятеле, экономисте, адмирале-флотоводце, почётном члене Петербургской АН – есть упоминание о возрасте жениха (ему исполнился 51 год) и невесты (едва достигшей 17-летия).

Если для кого-то эти фамилии мало что говорят, обратимся к более известным, из тех, с кем общался Пушкин.

Анна Петровна Керн (урождённая Полторацкая) была из семьи, входившей в круг состоятельного чиновного дворянства. Её отец – полтавский помещик и надворный советник Пётр Маркович Полторацкий.

В положенное время девушку начали вывозить в свет. И в столицах, и в провинции это означало, что настала пора, когда девочку-подростка нужно сопровождать на балы и танцы, посещать с ними театр и брать с собой,

отправляясь на званые вечера к знакомым и друзьям, у которых среди родственников имелись кандидаты в женихи. Описания балов присутствуют в большинстве мемуаров русских дворянок, которые, вспоминая молодость, писали, что каждый бал таил в себе возможность новых встреч, решения судьбы и каждый “ожидался с нетерпением”.

Анна Полторацкая обращала на себя внимание своей красотой... но предложений не следовало. И тогда отец сам привёл в дом жениха – генерала Ермолая Фёдоровича Керна. Ему в ту пору было 52 года. Далее всё, как у всех: генералу девица Анна понравилась, и последовала свадьба. “... в 16 лет выдали замуж” – напишет она в воспоминаниях. С какими чувствами девушка выходила замуж? В своём дневнике Анна сделала запись:

“Его невозможно любить – мне даже не дано утешения уважать его; скажу прямо – я почти ненавижу его”.

К Анне Керн и её отношениям с Пушкиным мы вернёмся чуть позже, а пока вспомним другую, не менее знаменитую женщину, чьё имя встречается часто в связи с Пушкиным, – Мария Николаевна Волконская. Что мы о ней знаем? Дочь героя Отечественной войны 1812 года генерала Н. Н. Раевского, который, умирая (в 1829 году), произнёс о своей дочери знаменитые слова: “Это самая удивительная женщина, которую я знал”. Жена декабриста князя С. Г. Волконского (был причислен к “первому разряду” и приговорён к смертной казни. “По уважению совершённого раскаяния” смертную казнь ему заменили на каторжные работы сроком 20 лет и последующее поселение; в Сибирь отправлен в кандалах).

Предложение Марии генерал-майор, бригадный командир 19-й пехотной дивизии, герой Отечественной войны 1812 года осмелился сделать только через её отца и в письменном виде (кстати, обычное дело для XIX столетия, к такой форме сватовства прибегали, желая засвидетельствовать уважение к избраннице и её родителям).

Отец всё решил сам за дочь. И потому, что таков был его характер, и потому, что семья оказалась на грани разорения, и потому, что дочь уже вроде как перестарок: ей 19 лет. Его можно понять: Раевский хотел для дочери блестящей и безбедной жизни. Тем более, что к этому времени она из “малоинтересного подростка” превратилась в “стройную красавицу, смуглый цвет лица которой находил оправдание в чёрных кудрях густых волос и пронизывающих, полных огня очей”.

Дочь, впрочем, не смолчала: “Папа, я ведь его совсем не знаю!” На что последовал ответ: “А кто ж тебя торопит? У вас будет время подружиться. Князь прекрасный человек. Ступай, Машенька!” Поэтому, когда мы сегодня читаем в какой-нибудь энциклопедии или в Википедии заметку о женщинах конца XVIII – первой половины XIX веков и встречаем в ней словосочетание “вышла замуж”, зачастую это означает “выдана или отдана замуж”.

Венчание дочери Раевского с князем, который был старше её на 17 лет (принадлежал к знатнейшей российской фамилии – из Рюриковичей, имел огромные связи при дворе), состоялось спустя несколько месяцев, в январе 1825 года. Как складывались семейные отношения? Первый год супружества молодые провели в нескончаемой разлуке: служба Сергея Григорьевича, болезнь Марии Николаевны и отъезд её на юг, арест мужа – сын-первенец родился, когда Волконский уже находился в крепости в ожидании суда. На момент свадьбы Марии Раевской только-только в конце декабря исполнилось 20. И уже в июне Мария Волконская, беременная, писала из Одессы сестре:

“Дорогая Катенька! Ты пишешь о своих занятиях по хозяйству, что сказала бы ты, видя, как я хожу каждый день на кухню, чтобы наблюдать за порядком, заглядываю даже в конюшни, пробую еду прислуги, считаю, вычисляю, я только этим и занята с утра до вечера и нахожу, что нет ничего более невыносимого в мире”.

Замужество в 20 лет и ребёнок в 20 лет – это, по сегодняшним меркам, многим покажется рано. А тогда... Бабушка Раевской-Волконской со стороны матери прожила очень короткую жизнь – скончалась в 23 года в родах четвёртого ребёнка.

К слову, из 22-х жён осуждённых участников тайных обществ четыре женщины были младше Марии Волконской, три из них – беременны:

Анна Поливанова (урождённая Власьева) в декабре 1825-го – 18-летняя молодая жена, родившая в июле 1826 года сына и овдовевшая через два месяца, в 19 лет;

Екатерина Лихарева (урождённая Бороздина) – ей тоже было 18 лет, она родила сына в мае 1826-го;

Анастасия Якушкина – 18-летняя мать 2-летнего сына (то есть родила его в 16);

Камилла Ле Дантю – самая младшая из декабристок (1808 года рождения), жена декабриста Василия Ивашева, хотя их свадьба состоится позже, в Петровском заводе 16 сентября 1831 года.

Но поехали за мужьями, как известно, не все. Последовали в Сибирь 9 жён и 2 невесты, а вместе с ними ещё 7 женщин: матери и сёстры сосланных декабристов. В “Записках декабриста” А. Е. Розен свидетельствует, что 8 мужей оказались отторгнутыми от жён и детей, 7 женихов – с обручальными кольцами, но без надежды на брак с невестами. В Сибирь не поехали жёны Бриггена, Лихарева, Артамона Муравьёва, Иосифа Поджио, Тизенгаузена, Фаленберга, Штейнгеля, Якушкина.

Мария Волконская в сибирский вояж отправилась. А далее, как в сказке: налево пойдёшь – одну легенду найдёшь, направо пойдёшь – другую легенду встретишь.

Сегодня одни “специалисты по истинной любви” убеждают всех, что это была великая любовь: она любила мужа отчаянно, тонко, вдохновенно, не с ослеплением “дамского восторженно-слепого романтизма”, а с гордой готовностью пожертвовать для него всем, слив две Судьбы в единое целое. Вере в то, что всё именно так и было, в немалой степени способствовал Н. Некрасов. Его мелодраматическая поэма “Русские женщины” (часть 1 “Княгиня Е. И. Трубецкая”, часть 2 “Княгиня М. Н. Волконская”), предложившая довольно суральное видение поступка декабристок как подвиг во имя любви, сострадания и справедливости, имела громадный успех. В советское время к оценке поэмы добавилось то, что это общественно значимый поступок, вызов злой воле, открытое сопротивление высшей власти, демонстративная поддержка их революционного дела. Поэтому преподносилось это так: “столь психологически достоверен кульминационный эпизод второй части поэмы: княгиня Волконская в миг долгожданной встречи с мужем целует прежде его каторжные цепи”.

Кто бы спорил, но я не стану: как-никак, “Русские женщины” – художественное произведение, а значит, автор имеет право на любой замысел и домысел. Но, как свидетельствует Михаил Сергеевич, сын Волконской, по окончании поэмы Некрасов при встрече принял все его замечания, просил лишь оставить сцену встречи княгини с мужем в шахте (на самом деле они увиделись в помещении благодатской тюрьмы), по причине, что, мол, она “так красиво выходит”. Однако последнюю корректуру Волконский, вопреки своим ожиданиям, не получил. Некрасов прислал ему уже опубликованную в “Отечественных записках” (январь 1873 года) поэму с письмом, “полным извинений”. Значит, обещание учесть замечания не выполнил.

Впрочем, это детали. Главное в том, что одни уверены: в сердце Марии Волконской царил только “опальный князь”.

Другие, не без оснований, заверяют, что Мария, вовсе его не любившая, лишь безропотно несла свой крест, как и полагается русской женщине, присягнувшей ему перед Богом. К позиции сторонников этой концепции, не менее красивой, но возможной, можно отнестись с пониманием. Особенно зная, что, несмотря на очень сложные мотивы, побудившие Марию Николаевну отправиться в Сибирь (любви меж супругами точно не было), её приезд, по свидетельствам очевидцев, спас его, по сути, от смерти. Сергей Григорьевич, пребывая в состоянии жуткой депрессии, воспрянул духом и постепенно выздоровел (за что был бесконечно благодарен жене за всю оставшуюся жизнь, его и похоронили в селе Воронки под Черниговом, согласно завещанию, в ногах у жены). Сцена с кандалами, которые Волконская кинулась целовать при первой встрече с мужем в Сибири, – достоверна. Но, опять-таки, порыв княгини был продиктован скорее состраданием, нежели какими другими причинами.

Известно, что в отношениях между Марией и мужем не было не то что особой теплоты, а зачастую простого согласия. Она жаловалась братьям и сёстрам на Волконского, который избегал её, был с ней резок и даже “несносен”. В заметках известного пушкиниста П. Е. Щёголева читаем о них:

“Мы знаем, что духовной, интимной близости не было ни между женихом и невестой, ни между мужем и женой”.

Можно рассуждать, мол, это суждение человека, жившего много лет спустя. Сам Щёголев ведь не видел, не слышал, не присутствовал. Воспроизведём тогда слова ссыльного декабриста А. Е. Розена, что Мария Волконская “не по своей воле вышла замуж, но только из любви и послушания к отцу”. И уж совсем из ближайшего круга лиц. В одном из писем к сестре, по времени уже после декабрьского мятежа, Александр Раевский в ответ, похоже, на её жалобы, пишет: *“Если ты хочешь говорить о твоём несчастном замужестве, то ты не имешь права никого в нём винить”* (выделено мной. — А. Р.).

Было ли её замужество таковым, не нам судить. Но трудно пройти мимо одной характеристики князя Волконского с совсем неожиданной стороны: в глазах императора Николая I Сергей Григорьевич заслужил репутацию “набитого дурака”, “лжеца” и “подлеца”. И если два последних определения могут быть как-то связаны с его участием в бунте, то первое... Что-что, а в людях Николай I разбирался недурно. Впрочем, и в памяти семейной Сергей Волконский “остался как человек не от мира сего”.

Тем достоверней выглядят свидетельства ссыльных декабристов и приехавших к ним “декабристок”, которые, не надевая розовых очков, видели всё своими собственными глазами и потом рисовали портрет княгини М. Н. Волконской без всякой ретуши.

Годы общих лишений сплотили декабристов-каторжан и их жён в одну большую “артель”, в которой все вещи и книги были общие, единение позволяло оказывать некоторую материальную помощь наиболее нуждающимся. В среде менее обеспеченных товарищей по несчастью Марию Николаевну, мягко говоря, недолюбливали за высокомерие, безжалостность и чёрствость. Можно сказать и резче: Марию Николаевну в обществе декабристов терпели ради мужа, который был пусть и не очень умным человеком, но по натуре добрым и незлобивым.

Можно ли это счесть неожиданным? Смею думать, что нет. Вызывающе заносчивой она была и ранее, особенно это проявлялось в отношениях к новой родне — Волконским. Вытерпевшая немало за годы сибирской эпопеи от своих прямых родственников сиятельная “декабристка”, сама о себе говорившая, что “совсем не любезна от природы”, и впрямь наследовала и проявляла в жизни не лучшие черты своего “ядовитого семейства”. Так отзывались современники о семье Раевских. А декабрист М. Лунин — самая многосторонняя, причудливая и по-человечески самая симпатичная фигура среди декабристов (он был одним из немногих декабристов, кто не назвал на следствии ни одного сообщника) — за поведение, последовавшее после декабрьского мятежа, позже назовёт Раевских “трусливым семейством”. Как можно, воскликнет кто-то, говорить о трусости семейства, глава которого проявил героизм в годы Отечественной войны? К сожалению, история знает немало примеров, когда поведение человека на поле брани разнится с его поведением в мирные дни.

Но нас сейчас больше интересует лишь одна сторона жизни Марии Волконской в Сибири. Среди декабристов ходило мнение, что княгиня отправилась в Сибирь вовсе не за мужем, а к другому мужчине — тоже декабристу, ближайшему сподвижнику П. И. Пестеля, Александру Викторовичу Поджио. Обрусевший итальянец, “сохранивший весь жар и все убеждения юношества”, — есть портрет неизвестного художника (начала 1820-х годов), на котором он удивительным образом внешне похож... на Пушкина. Это ни о чём не говорит, однако... факт любопытный, о котором ещё будет повод вспомнить. Родился он в Николаеве, учился в Одессе, отставной подполковник, был всего на семь лет старше Марии Волконской.

Ни у кого из декабристов не было сомнений в их любовных отношениях. Очень многие считали, что своих детей Волконская родила не от мужа, а от любовника. Историк движения декабристов, сын декабриста Ивана Якушкина, Евгений Якушкин, ещё при жизни всех участников любовного треугольника писал об этом своей жене в 1855 году:

“... как бы то ни было, она была одной из первых, приехавших в Сибирь разделить участь мужей, посланных в каторжную работу. Подвиг, конечно, небольшой, если есть сильная привязанность, но почти непонятный, ежели этой привязанности нет. Много ходит невыгодных для Марии Николаевны слухов про её жизнь в Сибири, говорят, что даже сын и дочь её дети не Волконского... Вся привязанность детей сосредотачивалась на матери, а мать смотрела с каким-то пренебрежением на мужа, что, конечно, имело влияние и на отношение к нему детей”.

Конечно, слова “смотрела с каким-то пренебрежением на мужа” режут глаз. И думается, мол, “злые языки”, они всегда “страшнее пистолета”. Но читаем письмо Марии Николаевны своему брату Александру (8 марта 1826 года): “... Не его [мужа] арест меня огорчает, не наказание, которое нас ожидает, но то, что он дал себя увлечь, и кому же? Низким из людей, презиаемым его beau-père [тестем], его братьями и его женой...”

А спустя годы в своих мемуарах княгиня М. Н. Волконская писала:

“Что меня больше всего мучило, это то, что я прочитала в напечатанном приговоре, будто мой муж подделал фальшивую печать, с целью вскрытия правительственных бумаг”.

Между тем, действительный факт, что Волконский “употреблял поддельную печать полевого аудиториата”, стал для него одним из отягчающих обстоятельств при вынесении приговора. Марию Волконскую можно понять: всё же разговор можно как-то объяснить высокой целью — деянием во благо России. Но прославленный генерал, князь, потомок Рюрика, поддельвающий казенные печати, — это в сознании и современников, и жены никак не вязалось с образом благородного вольнодумца.

Первое время дни Волконской заполнены хлопотами по хозяйству. Женщина, не приученная не только к труду, но даже к обслуживанию самой себя, теперь, живя в простой деревенской избе, стирала бельё, мыла полы, рубила дрова, топила печь, занималась шитьём, проводила целые часы перед свечкой, размышляя — о чём же? — о безнадёжности положения, из которого никогда не суждено выйти. По настоянию начальства привезённые горничные вскоре были отосланы восвояси. Причина проста как мир: “Наши девушки стали очень упрямыми, не хотели нам ни в чём помогать и начали себя дурно вести, сходясь с тюремными унтер-офицерами и казаками”.

Это не мешало ей после работы читать и музицировать (Зинаида Волконская в вечер прощания со своей невесткой втихую от неё распорядилась привязать к её кибитке клавикорды. Миф это или реальный факт, трудно сказать. Но исключить такое тоже трудно. Ни одна из женщин, отправившихся вслед декабристам, не представляла, что ждёт её впереди. Сужу по “описи вещам полковницы Нарышкиной” при выезде её в Сибирь. Она занимала три листа большого формата: “в длинном клеёнчатом ящике”, “в малиньком клеёнчатом ящике”, в двух “важах” и в “висючем чемодане под козлами” поместились 22 чепчика и соломенная шляпа, 30 пар женских перчаток, “2 вуаля”, до 30 ночных рубашек, десятки пар чулок — бумажных, шёлковых, шерстяных, “1 картончик с буклями”, медный самовар и многое другое.

Семейная жизнь Волконских в Сибири оказалась такой же безрадостной, какой была и до ареста мужа. Постепенно Мария Николаевна отдалилась от Сергея Григорьевича. Исследователи отмечают: “Имя мужа почти совсем исчезает со страниц её писем, оно упоминается лишь изредка и то по какому-нибудь незначительному поводу”. В мемуарах и переписке декабристов картина личной жизни Волконской складывается из следующих фактов: из стремления поддержать репутацию “достойной и безупречной спутницы декабриста”; из тайной на протяжении долгих лет влюблённости в неё Михаила Лунина (одного женского взгляда на него было достаточно, чтобы сказать, что это человек редкого мужского обаяния и достоинства; конечно, о точности говорить не приходится, но типаж внешности притягательный и чем-то напоминающий пушкинский); из памяти о былых отношениях с Александром Пушкиным; из известного всем большого влияния на неё Поджо. У В. В. Вересаева, составившего в своё время сборник “Пушкин в жизни”, дано пояснение, что сын Михаил рождён ею от декабриста Поджо, а дочь, “знаменитая красавица Нелли”, так в семье звали Елену, — от И. И. Пушина.

Сын Михаил “красоты рафаэльской” родился весной 1832 года. 11 марта И. И. Пуштин отправляет любопытное письмо к С. Г. Волконскому:

“Давно я не имел такого приятного, успокоительного чувства. Сегодня разбудил меня Поджо с радостной вестью о сыне. Между нами не нужны, я надеюсь, общие поздравления. Поцелуйте за меня ручку у Марьи Николаевны — поцелуйте малютку”.

Так или иначе, но Сергей Волконский никогда не проявлял никаких эмоций по поводу её отношений ни с Александром Викторовичем, ни с Иваном Ивановичем. С его стороны никогда не было высказано хоть малейшее сомнение в своём отцовстве (по крайней мере, о них ничего не известно).

Было бы странно, появившись тут вопрос “почему?” Я лишь проведу параллель. Княгиня Зинаида Александровна Волконская (урождённая Белосельская-Белозерская) – поэтесса и художница, певица и хозяйка знаменитого московского литературного салона, “царица муз и красоты”, воспетая Пушкиным и Боратынским, не была верна мужу. В свете говорили о её многочисленных любовных связях, в том числе и с самим императором Александром I. Но несмотря на это, генерал-майор Никита Волконский, брат Сергея, не порывал с ней, предпочитал растворяться в лучах славы собственной жены.

Судя по всему, Волконская и в Сибири оставалась женщиной сиятельной и страстной одновременно. Среди мужчин находилось немало таких, кто искренне восхищался ею, так что от недостатка мужского внимания Мария Николаевна не страдала. Её побаивался и уважал даже генерал-губернатор Восточной Сибири. Она, когда хотела, умело влюбляла в себя мужчин. Имелось ли у этих влюблённостей естественное продолжение? А какая нам разница! Мария Николаевна была из тех светских женщин, кто свои отношения не афиширует. В 1841 году в письме А. М. Раевской она лишь обронила о Поджио:

“Это превосходный и достойный уважения человек, который предан мне сердцем и душой, и я не знаю, как выказать ему свою признательность”.

Всё-то она знала! Разговоры о связи Волконской и Поджио, тем не менее, имели вполне реальное развитие, характер которого заслуживает определения, любого на ваш выбор: хотите – удивительное, хотите – озадачивающее. В 1850 году Поджио женился на классной даме иркутского института благородных девиц Ларисе Андреевне Смирновой. Опять же по слухам, Мария Николаевна была очень огорчена этим. А несколько позже в браке у Поджио родилась дочь Варвара.

Но характер взаимоотношений всех членов семейства Волконских и Александра Поджио остался близким, если не следовать слухам, в которых его находили даже ненормальным и одной дружбой не объяснимым. Особенно после амнистии декабристов в 1856 году и их возвращения в европейскую часть Российской империи. Однако в воспоминаниях Волконской именно в тех местах, где мемуаристка упоминает Поджио, можно увидеть много недосказанного и непонятного.

“Записки княгини Марии Николаевны Волконской” (фр. “Mémoires de La Princesse Marie Wolkonsky”), написанные на французском языке и адресованные детям и внукам, не смогли поколебать пристрастных оценивающих взглядов окружающих людей, какие можно встретить, например, у декабриста Ф. Ф. Вадковского (по делу декабристов проходил как “преступник первого разряда”. Ему была уготована смертная казнь, но её заменили пожизненной каторгой, сокращённой впоследствии до 13 лет. Вместе с И. И. Пущиным был инициатором создания тюремной “артели” декабристов на кооперативных началах. В 1844 году умер от чахотки). В письме (1840) другому декабристу, П. Н. Свистуну (осуждён по II разряду и приговорён в каторжную работу на 20 лет, позже срок сокращён до 15 лет. В 1842 году 39-летний Пётр Николаевич обвенчан с 16-летней девицей Татьяной Александровной Неугодниковой, приёмной дочерью бывшего курганского земского исправника), он писал:

“Что касается семьи Волконских – на неё жалко смотреть. Бедный старый муж решительно устранин. Жена ведёт хозяйство, с утра до вечера окружена братьями Поджио, злословит и с ними, и с кем попало над Сергеем Григорьевичем, доводя скандал до того, что поддерживает все унижения, которые его заставляют сносить. Словом – это отвратительно!”

Странный “декабрист” Ипполит Завалишин (родной брат Дмитрия Завалишина), первый в России революционный провокатор, прославившийся патологической страстью к доносам, “на всех перекрёстках трубил про М. Н. Волконскую, что она вторая Мессалина”. Да что там чужие люди, у родных сестёр, Софьи Николаевны и Марии Николаевны, возник конфликт, о котором семья Раевских предпочитала не распространяться, но который, похоже, был связан с “неблаговидным” поведением Волконской в сибирской ссылке.

Вернувшись из Сибири, Мария Николаевна прожила недолго. Когда состояние её летом 1863 года резко ухудшилось, приехал А. Поджио, чтобы провести с ней последние дни. Сергей Григорьевич Волконский в это время приболел, ему решили не сообщать об ухудшении здоровья жены, и он с ней даже не простился. В середине августа в возрасте 57-ми лет она умерла. В поместье Воронки Черниговской губернии похоронили ту, которую одна легенда превратила в пушкинскую “музу”, другая легенда – в идеальную подругу

опального декабриста, в женщину, посвятившую жизнь подвигу во имя верности. О других легендах, с ней связанных, предпочитают не упоминать.

После смерти Марии Николаевны, в 1863–1864 годах А. Поджио со своей семьёй сопровождал семью её дочери Елены (по мужу Кочубей) во время путешествия по Италии. Позже уехал в Италию сам, но весной 1873 года смертельно больным (бросив в Италии жену и дочь, которые в Россию больше никогда не вернутся) приехал в поместье Елены Сергеевны и умер у неё на руках. Завещал похоронить себя рядом с Марией Николаевной (на деле получилось, что рядом с обоими Волконскими – Сергей Григорьевич к тому времени уже 8 лет как упокоился около своей жены), что и было исполнено.

В 1930-х годах литературовед О. Попова отметила, что в отлично сохранившемся архиве Волконских в Пушкинском доме письма Александра Поджио к Марии Николаевне отсутствуют. Есть только его письма к Сергею Григорьевичу и Михаилу Сергеевичу, относящиеся уже к периоду после смерти Волконской. Похоже, что письма были уничтожены либо самой Марией Николаевной, либо её родственниками уже после 1863 года.

И ещё один штрих к портрету Марии Николаевны. Её внук, Сергей Михайлович Волконский, оставил такие воспоминания:

“Она смотрела на чужую жизнь из глубины своего прошлого, на чужую радость – из глубины своих страданий. Это не она смотрела строго, а её страдания смотрели из неё: можно всё забыть, но следов уничтожить нельзя. И я думаю, что это причина, по которой домочадцы, служащие, гувернантки боялись её”.

Да что там служащие и гувернантки! всю жизнь страдая от того, что отец выдал её замуж без её согласия, со своей единственной дочерью княгиня Волконская поступила точно так же. В 1850 году Елена Сергеевна Волконская, которой оставалось две недели до 16-летия, стала женой Дмитрия Васильевича Молчанова, чиновника по особым поручениям при губернаторе Восточной Сибири Н. Н. Муравьёве-Амурском. Собственно, решение о свадьбе (вся в папеньку!) Мария Николаевна приняла годом ранее. Задержка была вызвана тем, что понадобилось время, чтобы сломить сопротивление мужа, который был против этого брака.

И вот тут самое примечательное. Евгений Якушкин, касаясь этой ситуации, писал, что, став с годами властной и оставшись такой же решительной, Мария Николаевна, решая судьбу дочери, *“не хотела никого слушать и сказала приятелям Волконского, что если он не согласится, то она объяснит ему, что он не имеет никакого права запрещать, потому что он не отец её дочери. Хотя до этого дело не дошло, но старик, в конце концов, уступил”.*

Кстати, Александр Поджио принимал самое непосредственное участие в решении судьбы дочери Волконских (столь большое для близкого друга семьи, что со стороны оно выглядело не очень приличным). Он тоже был против замужества юной Елены. Однако дети Марии Волконской, ощущая внутреннюю отчуждённость родителей, понимали, кто в семье хозяин, авторитет матери для них был много выше отцовского. Дочь исполнила волю матери.

И буквально два слова о сыне, рождённом в Сибири. Потомок Волконской эмигрировал из России в Италию. Там он вернул себе фамилию своего отца. В начале XX века его похоронили в семейной усыпальнице итальянской ветви рода Поджио.

Наконец, в современной литературе о Пушкине можно встретить точку зрения, что сопоставление ряда свидетельств и нехитрые подсчёты показывают, что сближение Марии Волконской с Александром Поджио (А. П.) началось в Петровском заводе только после того, как Мария Николаевна узнала о бракосочетании другого А. П. – Александра Пушкина. Как бы сей поступок поэта сделал оскорблённую княгиню одинокой и свободной.

Так что нам пора вернуться к Пушкину. В советское время версия о любви Пушкина к Марии Раевской-Волконской имела огромную популярность. Уж очень велик был соблазн идеологически связать “противника царского режима” Пушкина с женщиной, последовавшей за декабристом в ссылку, тем самым ставшей олицетворением оппозиции самодержавию.

Желающих признать Марию Раевскую-Волконскую адресатом и вдохновительницей стихотворений “Редеет облаков летучая гряда...” (1820), “Таврида” (1822), “Ненастный день потух...” (1824), “Буря” (“Ты видел деву на скале...”), “Не пой, красавица, при мне...”, “На холмах Грузии лежит ночная

мгла...” и одного из самых глубоких откровений Пушкина – “Я вас любил...” – находилось немало.

Но главное, что смущает: мотивировка литературоведами “отнесения” (аргументация атрибуции) стихотворения “Я вас любил...” к М. Н. Волконской строится на “косвенных уликах”. Мол, в тот момент, когда рождалось “Я вас любил...”, Пушкин не мог не думать о М. Н. Волконской, так как накануне писал “Эпитафию младенцу” для надгробия её сына*. А в альбоме А. А. Олениной стихотворение попало случайно, в качестве “отработки” смущённым Пушкиным “штрафа” за посещение её дома в компании ряженных. Из чего напрашивается очевидный вывод, что литературоведение, как и история, – науки точные, по крайней мере, исключительно объективные, но выборочно.

Сама же версия берёт начало в работах пушкиниста П. Е. Щёголева. Кажется, он первым провозгласил Марию “утаённой любовью” поэта, той самой “NN” в его “донжуанском списке”.

... Факт остаётся фактом: когда 26 декабря 1826 года Зинаида Волконская устроила проводы Марии (несмотря на сопротивление родных, оставив годовалого сына, она на следующий день уехала вслед за сосланным мужем), в салон пришли и Пушкин с братом Веневитиновым. Хотя, если говорить о том, когда и как меж ними “начиналось”, то придётся вернуться в 1820 год, когда Пушкин с семьёй Раевских едут из Екатеринослава через Кавказ в Крым. В той совместной поездке в течение трёх месяцев Мария была рядом с поэтом. И было ей тогда всего 14 лет. Он встречался с ней и позже, в Одессе в ноябре 1823 года, когда она вместе с сестрой Софьей приезжала к сестре Елене, жившей тогда у Воронцовых, близких родственников.

Мария Раевская-Волконская и Пушкин – это особая тема, породившая целую гору литературы. Вершиной которой, на мой взгляд, стало первое в отечественной историографии жизнеописание М. Н. Волконской, увидевшее свет в серии “ЖЗЛ”. По мнению автора книги М. Д. Филина, главной нитью её бурной, драматической и загадочной жизни были отношения с Пушкиным, та самая взаимная “утаённая любовь”, пронесённая через все отпущенные им обоим годы.

Следы глубокого чувства писатель и историк обнаруживает в документах княгини и в произведениях, черновиках, рисунках поэта. Сопоставление судьбы Марии Николаевны и романа в стихах “Евгений Онегин” позволило автору сделать оригинальный вывод, что пушкинская Татьяна – не кто иная, как Мария Волконская: от якобы реального её письма Пушкину (помните: “Я к вам пишу – чего же боле? // Что я могу ещё сказать? // Теперь, я знаю, в вашей воле // Меня презреньем наказать”?) до появления в салоне дамы, вышедшей замуж за генерала. (Той, кто “была нетороплива, // Не холодна, не горлива, // Без взора наглого для всех, // Без притязаний на успех, // Без этих маленьких ужимок, // Без подражательных затей... <...> Ужель та самая Татьяна, // Которой он наедине, <...> В глухой, далёкой стороне, // В благом пылу нравоченья // Читал когда-то наставленья, // Та, от которой он хранит // Письмо, <...> Та девочка... иль это сон?..”)

Роман-сон Михаила Филина читается с превеликим любопытством. Тем более, что реальная Мария Волконская сама безосновательно “привязывала” немало пушкинских стихов к своему имени. Так, прочитав “Евгения Онегина”, она сделала в своём дневнике запись:

“Увидя море, мы приказали остановиться, и вся наша ватага, выйдя из кареты, бросилась к морю любоваться им. Оно было покрыто волнами, и, не подозревая, что поэт идёт за нами, я стала для забавы бегать за волной и вновь убежать от неё, когда она меня настигала!.. Пушкин нашёл эту сцену такой красивой, что воспел её в прелестных стихах, поэтизируя детскую шалость; мне было только 15 лет”.

Речь идёт о строфе XXXIII Первой главы “Евгения Онегина”:

*Я помню море пред грозой:
Как я завидовал волнам,*

* Н. С. Волконский похоронен в Александро-Невской лавре. Могила его была потеряна, на саркофаге, наполовину ушедшем в землю, не были обозначены ни имя, ни даты жизни. Нашли её в начале 1950-х годов именно по тексту эпитафии Пушкина, которая сохранилась.

*Бегущим бурной чередою
С любовью лечь к её ногам!
Как я желал тогда с волнами
Коснуться милых ног устами!*

У этой прелестной сценки, впрочем, есть и другая “привязка”, более ранняя. 11 июля 1824 года Вера Вяземская рассказывала мужу один эпизод из своей одесской жизни:

“...я помещаюсь на громадных камнях, ушедших в море, я смотрю, как волны разбиваются у моих ног, иногда я не нахожу храбрости ожидать девятый вал, когда он приближается слишком поспешно; я тогда стараюсь убежать ещё поспешнее и возвращаюсь минутой спустя...”

Чуть позже, уже из Михайловского, обращаясь к Вере Вяземской, Пушкин, ни сном ни духом не подозревающий о женской разноголосице, пишет: *“Вот строфа, которой я вам обязан”,* — невольно опровергая одну и свидетельствуя в пользу той, кому посвящена эта строфа.

Между прочим, новость о том, что Пушкин женится на Гончаровой, Волконская в Сибири узнает как раз из письма Веры Вяземской. Чувство ревности одной княгини породит желание доставить горькую пилюлю другой княгине. К тому же подкреплённую стихотворными строчками *“На холмах Грузии лежит ночная мгла...”* и припиской, что они обращены Пушкиным своей избраннице. Но Мария Николаевна умеет “держать удар” и сделает вид, будто происходящее никоим образом её не трогает. Она ответит письмом, полным, как подобает, выражения высокого уважения и почтения. И даже проведёт некоторый как бы отстранённый разбор произведения:

“В первых двух стихах поэт пробует свой голос. Извлекаемые им звуки, нет сомнения, очень гармоничны, но не имеют отношения к дальнейшим мыслям, столь достойным нашего великого поэта и, судя по тому, что Вы пишете мне, достойным предмета его вдохновения. Эти мысли так новы, так привлекательны, они возбуждают в нас восхищение, но окончание, извините меня, милая Вера, за Вашего приёмного сына, — это окончание старого французского мадригала, это любовный вздор, который нам приятен потому, что доказывает, насколько поэт увлечён своей невестой, а это для нас залог ожидающего его счастливого будущего. Поручаю Вам передать ему наши искрение, самые сердечные поздравления...”

Отзывы М. Н. Волконской, как видим, противоречит многим современным изданиям, где указано, что поэтические строки адресованы именно ей, Волконской. В. Ф. Вяземская прислала ей это стихотворение с указанием, что оно обращено к невесте поэта — Н. Н. Гончаровой. Что, впрочем, могло быть продиктовано лишь желанием сделать укол новостью о Пушкине более болезненным для Волконской, а никак не “из лучших побуждений”.

К слову, на чём основано суждение, будто это стихотворение “связано” с Натальей Гончаровой? Берлинский автограф *“На холмах Грузии лежит ночная мгла...”* сопровождается рисунком, изображающим девушку во весь рост, с удлинённой линией лба и длинной шеей, и с крылышками бабочки (так обычно изображали Психею). А по свидетельствам сестры поэта, в петербургском свете жену Пушкина называли Психеей. Несколько подчёркнутый высокий лоб и длинная шея в этом профиле присущи пушкинским наброскам профиля Н. Н. Гончаровой. Так что несколько штрихов рисунка, и... гипотеза к вашим услугам.

В другом случае восхищение поэта прелестными ножками в строфе *“Я помню море пред грозою...”* позволило В. Набокову увязать эту сцену с “ножками” графини Воронцовой. Его сторонниками, убеждёнными, что миф о бурном романе поэта с графиней Воронцовой, созданный Т. Г. Цявловской, вовсе не миф, стали пушкинисты, поддержавшие версию отношений поэта с графиней Воронцовой вниманием к одной фразе Вяземской в письме к мужу:

“...нам довелось вместе с графиней Воронцовой и Пушкиным дожидаться и быть окаченными так обильно, что нам пришлось менять одежду”.

Но по этому поводу возникла небольшая полемика. Мол, Пушкин был восхищён не ножками графини Елизаветы Ксаверьевны Воронцовой, а ножками самой княгини Веры Фёдоровны Вяземской. Ведь именно она, по свидетельству самого поэта, является адресатом строфы XXXIII Первой главы *“Евгения Онегина”*, а значит — и аналогичных лирических произведений: элегии *“Ненастный день потух...”* и отрывка *“За нею по наклону гор...”*

Однако Марии Раевской-Волконской хотелось думать, что это её образ преследовал Пушкина в момент создания строфы, а сцена, изображённая в “Евгении Онегине”, та самая, что воспроизведена в её дневнике. Вольному воля, но обнаружить что-то “детское” в изображении чувств к женщине, к ногам которой волны бежали “бурной чередой”, чересчур затруднительно.

“Приближение” же поэтических строк о море и женских ножках к Вере Вяземской способствует развенчанию сразу двух мифов – об “утаённой” любви Пушкина к Марии Николаевне Раевской-Волконской и страстном романе с Елизаветой Ксаверьевной Воронцовой.

При этом надо сказать, что Пушкин вовсе не оставался равнодушен к Воронцовой. Да, она не была, по мнению современников, красавицей, но манера держаться, гордая посадка головы, стройная лебединая шея, аристократическая утончённость делали её обаятельной. Как вспоминал Владимир Соллогуб:

“Всё её существо было проникнуто такою мягкою, очаровательною, женственной грацией, такою привлекательностью, таким неукоснительным щегольством, что легко себе объяснить, как такие люди, как Пушкин, герой 1812 года Раевский и многие, многие другие без памяти влюблялись в княгиню Воронцову”.

Влюблялись, действительно, многие, но как любовника Елизавета Ксаверьевна привечала Александра Раевского. И маскировала свою связь с ним (по одной “версии”, у них был общий ребёнок, по другой версии, Раевский был отцом её детей – так считали пушкинисты И. Л. Фейнберг и А. А. Лацис) бывшей у всех на глазах фигурой Пушкина, который, увидев Воронцову, не стал исключением из желающих вписаться в когорту поклонников привлекательной женщины.

Про Воронцову и Пушкина можно услышать, что, мол, что́ между ними было – это тайна двоих. Если вдуматься, то тайна в другом: было ли что или ничего не было между ними? Поэтому правомерен вопрос: есть ли вообще тут тайна или нет никакой тайны, одна легенда? Кому-то хочется предположить, что Воронцова была среди тех женщин Пушкина, правду отношений с которыми он спрятал в тайниках сердца (к такому обычно относят Д. Фикельмон, П. Осипову). Мотивация в таких случаях проста: Пушкин в отношении женщин не отличался скромностью. С этим можно согласиться, если принять во внимание маленькую деталь: так он поступал только тогда, когда огласка не могла ухудшить репутацию женщины (и тут возникают имена А. Керн и А. Закревской).

Миф о Воронцовой, “подкрепляемый” якобы рождением Елизаветой Ксаверьевной темнокожей девочки (этот миф по сию пору нет-нет да и даёт о себе знать), вполне устраивал радетелей страстной любви Пушкина и жены графа Воронцова не потому, что им хотелось по-человечески порадоваться за них, а по причине исключительно “профессиональной”: отголоски этой любви позволяли отчётливо идентифицировать целый ряд элитеский произведений: “Ненастный день потух...”, “Сожжённое письмо”, “Желание славы”, “Храни меня, мой талисман...”, “Талисман”. Можно подумать, будто это хоть на йоту может изменить наше восприятие этих произведений.

А что касается темнокожего ребёнка, то, насколько известно, ни среди детей Пушкина, ни среди его внуков и правнуков таковых не встретишь. Сей факт предпочту оставить без комментария. Разве что позволю себе заметить: смуглая девочка у Воронцовой была. Что из того? Александр Раевский, между прочим, был брюнет, а от матери, внучки знаменитого Ломоносова, ему досталась толика греческой крови. Кого же из двух, графиню или княгиню, природа наградила лучшими ножками, на сей счёт ни у кого из современников Воронцовой и Вяземской упоминаний нет.

Потому от мифа обратимся к реальности. Вот характеристика В. Ф. Вяземской, данная Ф. Ф. Вигелем. Он хоть и был, как известно, “к женщинам равнодушным”, но словесными портретами не брезговал:

“Не будучи красавицей, она гораздо более их нравилась: немного старше мужа и сестёр, она всех их казалась моложе. Небольшой рост, маленький нос, огненный, пронзительный взгляд, невыразимое пером выражение лица, грациозная непринуждённость движений долго молодили её. Смелое обхождение в ней казалось не наглостью, а остатком детской резвости. Чистый и громкий хохот её в другой казался бы непристойным, а в ней восхищал, ибо она скрашивала и приправляла его умом, которым беспрестанно искрился разговор её”.

Какой женщине не нравится, когда на неё обращают внимание мужчины! Вера Фёдоровна любила вызывать к себе любовь. Князь Вяземский тоже любил ухаживать за другими женщинами. Меж собой их отношения были... обычными: супруги, скажем так, терпимо относились к сердечным увлечениям друг друга на стороне. Но была у них "изюминка": оба любили делиться своими впечатлениями. Книгиня рассказывала мужу о своих мужчинах, князь Вяземский отвечал ей той же монетой: поверял ей свои чувства, которые рождались во время общения с женщинами. Говорят, это в определённой степени даже укрепляло их брак.

Истинные отношения Веры Фёдоровны с Александром Сергеевичем в Одессе рассматривались неоднократно, что называется, чуть ли не под микроскопом. И конечно, никто не проходил мимо письма Веры Вяземской мужу 1 августа 1824 года:

"Приходится начать письмо с того, что меня занимает сейчас более всего, — со ссылки и отъезда Пушкина, которого я только что проводила до верха моей огромной горы, нежно поцеловала и о котором я плакала, как о брате, потому что последние недели мы были с ним совсем, как брат с сестрой. Я была единственной поверенной его целомудренно, да и серьёзно лишь с его стороны... Я проповедую ему покорность судьбе, а сама не могу с ней примириться; он сказал мне, покидая меня, что я была единственной женщиной, с которой он расстанется с такою грустью, притом, что никогда не был в меня влюблён".

В памяти встают строки:

*Я вспомню речи неги страстной,
Слова тоскующей любви,
Которые в минувши дни
У ног любовницы прекрасной
Мне приходили на язык.*

Что из письма Вяземской следует? Вера Фёдоровна была единственной в Одессе женщиной, расставание с которой поэту далось труднее всего. Что он был в отчаянии, так как последние дни пребывания в Одессе прерывали его чувство к какой-то женщине. Намёки Веры Фёдоровны позволяют "догадаться", что чувство это обращено к Вяземской. Вы так не подумали? Зато именно такую мысль высказал её муж в ответном письме. Опытный в любовных делах, Пётр Вяземский прекрасно знал и понимал свою супругу. К тому же надо учесть, что Елизаветы Ксаверьевны в последние дни в Одессе не было. Единственной женщиной из светского общества, с которой поэт тогда постоянно общался, была сама Вера Фёдоровна.

В ноябре 1823 года в рабочей тетради Пушкина появляется первоначальный черновой автограф строк, которым позже суждено будет стать стихотворением "Желание славы". В разное время пушкинисты соотносили их с Амалией Ризнич и Е. К. Воронцовой. Мифический роман Пушкина с графиней Воронцовой очень красив, но в реальной жизни разворачивались отнюдь не выдуманные отношения поэта с Верой Вяземской. В октябре 1824 года оторванный от женщины, вокруг которой крутились все мысли, боящийся потерять её, Пушкин пишет княгине:

"Прекрасная, добрейшая княгиня Вера, душа прелестная и великодушная! Не стану благодарить Вас за Ваше письмо, слова были бы слишком холодны и слишком слабы, чтобы выразить Вам моё умиление и признательность... Вашей нежной дружбы было бы достаточно для всякой души менее эгоистичной, чем моя; каков я ни есть, она одна утешила меня во многих горестях и одна могла успокоить бешенство скуки, снедающей моё нелепое существование".

В первой половине 1825 года оформляется окончательный текст "Желания славы":

*Могли ль меня молвы тревожить приговоры,
Когда, склонив ко мне томительные взоры
И руку на главу мне тихо наложив,
Шептала ты: "Скажи, ты любишь, ты счастлив?
Другую, как меня, скажи, любить не будешь?
Ты никогда, мой друг, меня не забудешь?"*
<...>

*Я новым для меня желанием томим:
Желаю славы я, чтоб именем моим
Твой слух был поражён всечасно, чтоб ты мною
Окружена была, чтоб громкою молвою
Всё, всё вокруг тебя звучало обо мне...*

Примерно в это же время, по свидетельству А. А. Муханова (сына сенатора А. И. Муханова от брака его с княжной Варварой Трубецкой), с которым у Веры Фёдоровны был в прошлом роман, во время новой их встречи в ноябре 1825 года Вяземская “силится пробудить усопшие чувства”, на что он в ответ ей достаточно красноречиво дал понять: “В душе моей одно волнение, // а не любовь пробудишь ты”. При этом дальнейшие отношения Вяземской и Муханова были чрезвычайно дружескими. Обаятельная и осмотровательная княгиня, надо заметить, старалась расставаться с любовниками бесконфликтно, предпочитала сохранять с ними тёплые отношения.

Возвращённый царём из Михайловского в Москву, Пушкин пытался возобновить отношения с Вяземской. В письме к ней от 3 ноября 1826 года поэт писал:

“Спешу, княгиня, послать Вам поясы. Вы видите, что мне представляется прекрасный случай написать Вам мадригал по поводу пояса Венеры, но мадригал и чувство стали одинаково смешны. Что сказать Вам о моём путешествии? Оно продолжается при самых счастливых предзнаменованиях, за исключением отвратительной дороги и невыносимых ямщиков. Толчки, удары локтями и проч. очень беспокоят двух моих спутников, я прошу у них извинения за вольность обращения, но, когда путешествуешь совместно, необходимо кое-что прощать друг другу. С. П. – мой добрый ангел, но другая** – мой демон; это весьма некстати смущает меня в моих поэтических и любовных размышлениях. Прощайте, княгиня, – еду похоронить себя в обществе моих соседок. Молите Бога за упокой моей души. Если Вы удостоите прислать мне в Опочку небольшое письмо страницы в 4, это будет с вашей стороны вполне милое кокетство. Вы, которая умеет написать записку лучше, чем моя покойная тётушка***, неужели Вы не проявите такой доброты? (NB: записка впредь синоним музыки.) Итак, прощайте. Я у Ваших ног и трясу Вам руку на английский манер, так как Вы ни за что не желаете, чтобы я Вам её целовал. – Торжок. 3 ноября. – Достаточно ли обиняков? Ради Бога не давайте ключа к ниму Вашему супругу. Категорически восстаю против этого”.*

На что Вяземская, которая была старше его на девять лет и, несомненно, вносила в свои отношения к Пушкину чувство нежной материнской заботливости (в одном из её писем мужу читаем: “Мы с ним в прекрасных отношениях; он забавен до невозможности. Я браню его, как будто бы он был моим сыном...”), кокетливо отвечает:

“Добрый ангел и демон дерутся ли ещё около Вас? Я полагаю, что Вы уже давно их отогнали. Кстати, Вы так часто меняли предметы, что я уже не знаю, кто же другая. Муж мой уверяет меня, что я надеюсь, что это – я... Но я рассчитываю на Вашу дружбу”.

В её письме явно просматривается подтекст: “Вы часто меняете свои привязанности, и я уже не знаю, кто сегодня у вас “другая”, хотя прежде ею была я”.

По поводу того, кем они были друг для друга, намёков со стороны современников Пушкина предостаточно. П. В. и В. А. Нащокины утверждали, что Пушкин не любил Вяземского, хотя явно этого не выражал. Напротив, Вяземскую Пушкин любил. Но что было, чего не было меж ними, нас ведь это не касается. Одно несомненно: Пушкин и Вяземская до самой смерти поэта оставались друзьями. Княгиня никогда и ни в чём его не предавала. Будем ей за это благодарны.

Кишинёвский, затем одесский, позже михайловский периоды были отмечены бурными, чувственными, экзотическими, сложными, страстными, болезненными и нередко скандальными любовными отношениями-похождениями,

* С. П. – “Это, само собою разумеется, не Сергей Пушкин” (примеч. Пушкина). Расшифровывается как Софья Пушкина, которой поэт в то время увлекался.

** Другая – по мнению Б. Л. Модзалевского – Анна Николаевна Вульф.

*** Покойная тётушка – та, которой посвящено шутивное стихотворение: “Ах, тётушка, ах, Анна Львовна, – Василья Львовича сестра...”

когда мимолётными, когда продолжительными, с жёнами и дочерьми молдавских бояр, с женой богача Инглези красавицей-цыганкой Людмилой Шеко-рой, с певицей Калипсо, которая, поговаривали, ранее была любовницей Байрона, с маленькой гречанкой – холодной красавицей с огромным носом Пульхерией Варфоломей, с привлекательной женой подполковника Ф. Г. Вакара, чей полк был расквартирован в Кишинёве, а она в то время ещё училась в Одесском пансионе (Пушкину нравилось танцевать с Викторией, так как в паре с ней при его небольшом росте они выглядели очень гармоничной парой). Можно упомянуть многих других. Из чего следует вывод: Пушкин не был привередлив. По свидетельству И. П. Липранди, он “любил всех хорошеньких, всех свободных болтуний”. Тут главное – понять, что “свободных” – имелось в виду свободных нравов.

В разное время по жизни его “сопровождали”:

жена А. Г. Строганова Н. В. Кочубей (исследователи связывают с ней стихотворение “Измены” и имя “Наталья” в “донжуанском списке” Пушкина); красивая брюнетка с длинной косой и пламенными глазами Амалия Ризнич – в Михайловском в 1826 году, узнав о её смерти, Пушкин отозвался на сообщение с удивившим его самого спокойствием. (“Из равнодушных уст я слышал смелые весты, // И равнодушно ей внимал я”). А ведь в пору романа с Ризнич какие муки ревности испытывал он! Брат поэта рассказывал, что однажды тот “в бешенстве ревности пробежал пять вёрст с обнажённой головой под палящим солнцем”. Вероятно, именно они описаны Пушкиным в элегии “Простишь ли мне ревнивые мечты...”:

*Мой милый друг, не мучь меня, молю,
Не знаешь ты, как сильно я люблю,
Не знаешь ты, как тяжко я страдаю...*

В Одессе написаны и другие стихотворения, посвящённые Ризнич: “Ночь”, “Надеждой сладостной младенчески дыша...”

Переехав в Одессу, Пушкин стал более сдержан. Очевидная причина: общество и женщины были другими. Тем не менее:

“Недавно выдался нам молодой денёк – я был предводителем попойки, все перепились и поехали по борделям”.

Вопреки своей репутации, будто он не пропускал ни одной юбки, остаётся открытым вопрос: кто влюблялся раньше – он в женщин или женщины в него? Брат Лев вспоминал:

“Женщинам Пушкин нравился; он бывал с ними необыкновенно увлекателен и внушил не одну страсть на веку своём. Когда он кокетничал с женщиной или когда был действительно ею занят, разговор его становился необыкновенно заманчив”.

XIX век – время флирта, когда светские замужние женщины пользовались большой свободой в своих отношениях с мужчинами. Замужние дамы, львицы света и полусвета имели, говоря современным языком, довольно широкие взгляды на нравственность и позволяли себе не просто обманывать своих мужей, но нередко открыто демонстрировать поведение, нарушавшее нормы приличия, а потому скандальное. Как известно, не только деньги любят тишину. Тем не менее, брак не являлся святыней, верность не рассматривалась как добродетель супругов. Нельзя сказать, что каждая женщина, но многие, не ограничивая себя ничем, считали, что должны иметь кавалера или любовника. В ситуации, когда жёнами становились в юном возрасте без всякой любви, адюльтер замужней дамы стал явлением практически легализованным. Обручальное кольцо (только к середине XIX века оно перекочевало на безымянный палец правой руки) никаких ограничений не накладывало.

Соответственно немало мужчин считали своим долгом волочиться за женщинами и мало ценили в жизни “возвышенные чувства”. Никого из мужчин не останавливало то, что многие из женщин, на которых они “положили глаз”, были жёнами, скажем так, приятелей и знакомых.

От обоих супругов требовалось одно: нужно было, чтобы отношения не выходили из границ светской благопристойности, и нельзя было пренебрегать мнением света. Развод как таковой, можно сказать, отсутствовал. Не любит, изменяет, не сошлись характерами – не поводы и не мотивы для развода. Случалось, о нём просили от отчаяния, но разрешения Синода на развод обычно не получали. Воспоминания свидетельствуют, что в конце XVIII –

начале XIX веков “развод... считался чем-то языческим и чудовищным... Сильно возбуждённое мнение “большого света” обеих столиц строго осуждало нарушавших закон...”

Авторы известного сочинения “О повреждении нравов в России” – французский посланник в России в 80-е годы XVIII века граф А. Ф. де Сепор и историк М. М. Щербатов – приводят множество примеров незаконного сожительства и супружеских измен в среде высшей столичной знати. В числе наиболее скандальных связей названы “распутства” княгинь А. С. Бутурлиной, А. Б. Апраксиной (урождённой Голицыной), Е. С. Куракиной. “А ныне, – сетовал М. М. Щербатов, – их можно сотнями считать”.

Зачастую семейные пары являли собой такую форму сосуществования, в которой муж не отличался верностью супруге, а она платила ему той же монетой. В окружении Пушкина таких семейных “союзов” было предостаточно. Наталья Викторовна Кочубей – дочь М. В. Кочубей (урождённой Васильчиковой) и министра внутренних дел, впоследствии председателя Госсовета и кабинета министров, вице-канцлера В. П. Кочубея “была первым предметом любви Пушкина”, ещё во времена Лицея, как вспоминал лицеист-сокурсник Корф.

В 1820 году Наталья Викторовна вышла замуж за графа А. Г. Строганова, родственника Гончаровых и брата Идалии Полетика. (К слову, ранее её сватали за графа М. С. Воронцова, будущего новороссийского генерал-губернатора, но по каким-то причинам свадьба не состоялась.). Историк С. Соловьёв, который был домашним воспитателем их детей, оставил беспощадную характеристику графа:

“Александр Григорьевич Строганов <...> служил страшным примером, какие люди в России в царствование Николая I могли достигать высших степеней служебной лестницы. <...> Имея ум чрезвычайно поверхностный, ...с важностью выкладывал какую-нибудь нелепую мысль и старался ею озадачить, упорно поддерживая и обстраивая другими подобными же нелепостями. При этом – ни малейшего благородства, деликатности”.

Впрочем, ничуть не лучшего мнения Соловьёв был и о его супруге:

“Жена была ещё хуже мужа: с умом и образованием также поверхностными, с огромными претензиями на то и другое, с полным отсутствием сердца, эгоизм воплощённый, неразборчивость средств, способность унижаться до самых неприличных искательств, когда считалось нужным, и в то же время гордость, властолюбие непомерное – вот графиня Наталья Викторовна Строганова, урождённая княжна Кочубей. Эта чета была испорчена губернаторством. <...> Раболепство русского губернского чиновничества, дворянства и купечества пред генерал-губернатором легко развратили Строгановых”.

Брак, увы, оказался несчастливим. Граф Строганов не был верен супруге, и Наталья тоже имела любовные связи на стороне. Красавицей её назвать трудно, но у неё были прекрасные глаза – их признавали её главной красотой. Одна из её современниц отметила по-женски точно: “...она в точности такая, какой нужно быть, чтобы очаровывать”. Соловьёв характеризовал графиню как “женщину без убеждений и без сердца” и намекал, что в Петербурге она вела распутную жизнь. Ни для кого не являлось тайной, что она длительное время добивалась взаимности Николая I. Генерал князь Горчаков ухаживал “за ней так, как это делалось в былые времена, – открыто и не таясь”. Среди её любовников был будущий убийца поэта – Дантес. Наталья Викторовна часто встречалась с Пушкиным в последнее десятилетие его жизни. Но, надо отдать должное, в отличие от своего мужа и его сестры, графиня оставалась верным другом Пушкина до и после его смерти.

Занятно то, что у гроба Пушкина самой громкогласой плакальщицей была ещё одна “беззаконная комета” – эксцентричного характера удивительная женщина, одновременно очаровывающая и шокирующая.

“Всем известно, какое было тогда стечение народу на канаве у Певческого моста перед домом <...> Весь этот люд днём и ночью рвался поклониться праху незабвенного поэта. Затем тело Александра Сергеевича до дня похорон поставили в склеп Конюшенной церкви, и там поклонения продолжались. А дамы так даже ночевали в склепе, и самой яркой из них оказалась тётушка Аграфена Фёдоровна Закревская. Мало того, что её сон не брал всё время, как тело стояло в склепе, мало того, что она, сидя около гроба в мягком кресле, не переставала обливаться горячими слезами, – нет, она ещё знакомила ночевавших с нею в склепе барынь с особенными отличительными чертами

<...> характера дорогого ей человека. Разумеется, она первым делом с наслаждением поведала барыням, что Пушкин был в неё влюблён без памяти, что он ревновал её ко всем и каждому. Что ещё недавно в гостях у Соловых <...> Пушкин шепнул ей на ухо: “Может быть, вы никогда меня не увидите!”

Так впоследствии писала в своих “Воспоминаниях” племянница А. Ф. Закревской, М. Ф. Каменская. И сказать, что тогда, в склепе, её тётка фантазировала, будет неверным. Доказательством тому свидетельствует, что Закревской адресованы стихотворения “Портрет” (“С своей пылающей душой...”), “Наперсник” (“Твоих признаний, жалоб нежных...”), “Счастлив, кто избран своенравно...”, “Когда твои младые лета...” Можно встретить суждения, что в отрывке (неоконченной повести) “Гости съезжались на дачу” прототипом Зинаиды Вольской была Закревская.

Кто она такая? Закревская Аграфена Фёдоровна (урождённая Толстая) – дочь графа Фёдора Андреевича Толстого и Степаниды Алексеевны Толстой (урождённой Дурасовой), внучка богатейшего золотопромышленника И. С. Мясникова, племянница московского богача Н. А. Дурасова, двоюродная сестра художника Ф. П. Толстого и двоюродная тётка писателей Л. Н. и А. К. Толстых, троюродная сестра княгини Е. И. Трубецкой.

Родословная замечательная, но мы выделим два момента. Первый: в 1818 году, в восемнадцать лет, Аграфена вышла замуж за 35-летнего А. А. Закревского, участника Отечественной войны, генерала без сколько-нибудь значительного состояния, поскольку происходил он из мелкопоместных дворян Тверской губернии. В качестве приданого Аграфена принесла ему подмосковную усадьбу Студенец, расположенную на левом берегу Москвы-реки подле старинной Звенигородской дороги. Их браку способствовал император, зная о недостаточности средств Закревского.

Второй: она была фрейлиной императрицы Александры Фёдоровны. Какая здесь связь между одним и другим, станет ясно чуть позже.

По случаю их помолвки В. Л. Пушкин писал Вяземскому:

“...Толстая, дочь Толстой Степаниды, сговорена за генерал-адъютанта Закревского и на днях получила вензель*. Батюшка её назначил будущим новобрачным сто тысяч годового дохода. Закревский по-французски не говорит, и Фёдор Андреевич утверждает, что такой зять ему был и надобен”.

Граф Ф. П. Толстой, кузен Грушеньки, вспоминал:

“Аграфена Фёдоровна, бывши невестою, не могла даже видеть своего жениха, он ей не нравился, а между тем всё-таки была выдана за Закревского, потому что тщеславным родителям льстило иметь зятем человека, так близкого к особе Его Величества. А может ли она его любить и будет ли за ним счастлива, об этом почтенные родителинисколько и не заботились. Хорошо, что Аграфена Фёдоровна была такой нравственности, что с первых же дней после свадьбы умела найти себе утешение – у её мужа были аютанты. Как Аграфена Фёдоровна любила своего мужа и дорожила его честью и своей, известно очень хорошо всем в городе. Расчётливый же муж молодой богатой жены, любивший гораздо более женины деньги, нежели её самое и супружескую честь, не убивался её развратом, которого она не заботилась и скрывать”.

В 1823 году А. А. Закревский был назначен генерал-губернатором в Финляндию, и Аграфена последовала за мужем. Там высокая, смуглая красавица с живым и острым умом приобрела громкую известность способностью говорить одновременно о 10 различных предметах и своими многочисленными любовными связями. Пылкая и страстная любительница французских романов, она одаривала благосклонностью молодых людей, состоявших при муже. Судачили, что особо ею был приближен граф Армфельдт, которому светская молва (напишет инженер-генерал из рода Дельвигов, двоюродный брат поэта Антона Дельвига, лицейского друга Пушкина, Андрей Иванович Дельвиг в мемуарах “Мои воспоминания” – “Полвека русской жизни”) и приписывала отцовство дочери Закревских. (Её крёстными стали император Николай I и императрица Александра Фёдоровна, но это так, к слову.)

“Нервические припадки” стали причиной её поездки на лечение в Италию, где у неё случился бурный роман с князем Кобургским, будущим королём

* Получить вензель означало получить придворное назначение на должность фрейлины. Фрейлинский вензель (шифр с вензелем) – золотой, усыпанный бриллиантами знак отличия, который носили придворные дамы в должности фрейлин. Он представлял собой брошь на банте цвета Андреевской голубой ленты, прикрепляемую к платью на левой стороне корсажа.

Бельгии. В свете поползли упорные слухи, что “Грушенька Толстая” не намерена возвращаться из Италии. Но она вернулась, получив от князя от ворот поворот относительно каких-либо перспектив для неё. И её очередной пассией стал 24-летний поэт Евгений Боратынский, который в звании унтер-офицера состоял в Гельсингфорсе при корпусном штабе генерала А. А. Закревского. Считается, что любовное увлечение поэта нашло отражение в его стихотворениях “Мне с упоением заметным...”, “Фея”, “Нет, обманула Вас молва...”, “Оправдание”, “Мы пьём в любви отраву сладкую...”, “Я безрассуден, и не диво...”, “Как много ты в немного дней...”

Живя в Финляндии, Аграфена Закревская иногда наезжала в Петербург. Пушкин увидел её впервые в один из её приездов из Гельсингфорса к мужу, который получил назначение министром внутренних дел. Правда, Пушкина опередил П. А. Вяземский. С лёгкой руки князя, любителя и почитателя её красоты, за Закревской закрепилось прозвище “медной Венеры”. Прозвище было не случайное: в европейской галантной поэзии Венера была символом чувственной любви.

6 мая 1828 года на балу у Авдулиных Пушкин, как шутливо сообщил жене Вяземский, “отбил” у него Закревскую. Именно в том году происходили частые встречи Пушкина и красавицы Аграфены на балах, в салонах и на званых приёмах. Петербургский свет не только-то привечал её, но, хочешь не хочешь — она жена министра внутренних дел.

О влюблённости Пушкина в Закревскую записала в свой дневник 11 августа дочь президента Академии художеств Анна Оленина. Как раз в то время Пушкин сватался к ней (впрочем, в тот же период сватовства к Олениной, кроме Закревской, у Пушкина была мимолётная любовная связь с Анной Керн). Осенью Вяземский писал А. И. Тургеневу, что Пушкин “целое лето кружился в вихре петербургской жизни” и воспевал Закревскую.

Графиня Лидия Андреевна Ростопчина, внучка московского градоначальника и генерал-губернатора Москвы во время наполеоновского нашествия, современница молодой жены Закревского, в своей “Семейной хронике” набросала портрет во многом знаковой героини той эпохи:

“Графиня Закревская была весьма оригинальной личностью, выведенной во многих романах того времени. Она давала обильную пищу злословию, и по всей Москве ходили сплетни на её счёт. Очень умная, без предрассудков, нисколько не считавшаяся с условными требованиями морали и внешности, она обладала способностью искренней привязанности”.

Живи она веком позже, наверняка стала бы поборницей “новой морали” и “свободной любви” и, кто знает, ещё одной валькирией революции вроде Александры Коллонтай, чьё имя и о чьих неприкрытых и бурных романах в начале XX века знали все. В начале XIX века имя Аграфены Закревской, чьи частые увлечения объяснялись презрением к светским условностям и свободным отношением к брачным обязательствам, тоже знали все. Образ её привлекал внимание лучших поэтов 1820—1830-х годов.

Слух людей и впрямь был утоmlён “молвой побед её бесстыдных // и соблазнительных связей”, как ранее предсказал Боратынский. Но это ничуть не смущало Пушкина. Он знал про её связь с Евгением Боратынским и о поэме “Бал”, в которой тот вывел внушающую страх необузданностью желаний женщину-вамп под именем княгини Нины. Но стоило ему только увидеть эту женщину с “пылающей душой” и “бурными страстями”, он стал её “наперсником”.

*Твоих признаний, жалоб нежных
Ловлю я жадно каждый крик:
Страстей безумных и мятежных
Так упоителен язык!*

Хотя себе признавался, что их отношения мучительны: сам влюблён в неё без памяти и ревнует её ко всем и к каждому. Племянница Закревской по секрету всему свету делилась “тайной” взаимоотношений тётушки с Пушкиным:

“Ещё недавно в гостях у Соловых он, ревнуя её за то, что она занимается с кем-то больше, чем с ним, разозлился на неё и впустил ей в руку свои длинные ногти так глубоко, что показалась кровь...”

Почему так? Что двигало им? Может, ответ найдём в строках письма Пушкина Елизавете Михайловне Хитрово (дочь М. И. Кутузова, мать Д. Ф. Фикельмон)? Елизавета Михайловна питала к Пушкину, можно сказать и так,

“самую нежную, страстную дружбу”. Чувства стареющей женщины порой тяготили поэта. Хотя, надо признать, она старалась философски смотреть на его увлечения другими, более молодыми женщинами. Письмо написано в октябре 1828 года:

“Я больше всего на свете боюсь порядочных женщин и возвышенных чувств. Да здравствуют гризетки – это и гораздо короче, и гораздо удобнее. Я не прихожу к Вам оттого, что очень занят и могу выходить из дому лишь весьма поздно. Мне нужно бы было видеть тысячу людей, а между тем я их не вижу.

Хотите, чтоб я говорил с Вами откровенно? Быть может, я изящен и порядочен в моих писаниях, но сердце моё совсем вульгарно, и все склонности у меня вполне мещанские. Я пресытился интригами, чувствами, перепиской и т. п. Я имею несчастье быть в связи с особой умной, болезненной и страстной, которая доводит меня до бешенства, хотя я её и люблю всем сердцем. Этого более чем достаточно для моих забот и моего темперамента. Вас ведь не рассердит моя откровенность, правда?”

Той же осенью Пушкин пишет П. А. Вяземскому, что Закревская “произвела его в свои сводники”.

Пушкин, обуреваемый “бешенством желаний” и “любовным пылом” (выражения самого поэта), полный самых противоречивых страстей, считал возможным не проходить мимо тех, кто “не отличался семейными добродетелями”. Его увлечения нередко были, можно сказать, легковесными, а диапазон внимания довольно широк. В одних случаях он мог волочиться за женщиной, потому что сознавал её доступность. В других случаях его вела страсть. Бывало, он влюблялся нежно и даже безнадёжно.

Его чувство к Екатерине Бакуниной не походило на чувство к Е. А. Карамзиной, влюблённость в Евдокию Голицыну различалась со страстью, например, к Амалии Ризнич, а отношения с Аглаей Антоновной Давыдовой не имели и капли похожести с тем, что складывалось у него с Каролиной Собаньской, самоотверженная страсть Е. М. Хитрово воспринималась им иначе, чем сердечные чувства к нему Анны Вульф или П. А. Осиповой.

К его встречам с разными женщинами, людьми разной культуры чувств и сердечных переживаний, можно относиться по-разному. Но они учили поэта замечать и выражать нюансы чувств, а не только их примитивную сторону. Обогащали его поэтическую палитру. Развивали в нём способность переосмысливать свою личность, быть гибким и разным. Заметим, влюблялся не только он. Влюблялись и в него. И ещё как влюблялись – в небогатого, маленького ростом, не блещущего красотой, не отличающегося постоянством, с плохой репутацией и вообще не такого, как все.

Чтобы лучше вникнуть в серьёзную тему “Пушкин и женщины”, нужно непременно коснуться ещё одной её грани. Думать, что вызывающим, с современной точки зрения, поведением отличались лишь аристократы, увы, не приходится. Императорские особы на их фоне заметно не выделялись. И те, кто был успешен в военных делах, и те, кто отличался пронизательностью в делах государственных, в повседневной личной жизни особо никого не стеснялись, да и ничего не скрывали. И менее всего думали о том, выходят или нет их отношения из границ светской благопристойности. Достаточно упомянуть несколько имён и сослаться на известные, совсем не романтические истории.

Последний царь Всея Руси и первый Император Всероссийский Пётр I, который начал заполнять свой “постельный реестр” в 18 лет в Немецкой слободе Москвы, проходя начальный курс любви с двумя подругами – Еленой Фадемрех и Кукуйской царицей Анной Монс – был большим охотником до женского пола. Его супруга Екатерина Алексеевна, лифляндская крестьянка, обозная девка, взлетевшая на вершину власти по прихоти своего венценосного супруга, смотрела на шалости супруга сквозь пальцы. Никаких тебе сцен ревности, наоборот, она привечала царских “метресок”, дарила им подарки и придворные должности.

Александр I, состоявший в браке с Луизой Марией Августой Баденской, часто заводил любовные интриги на стороне. Детей имел от фрейлины Марии Нарышкиной (очаровательной жены придворного вельможи Д. Л. Нарышкина), с которой он на протяжении 15 лет жил как со второй (а то и первой) женой.

Нравы этого многоугольника были таковы, что муж Марии Антоновны, Дмитрий Львович Нарышкин, имел две должности: официальную – обер-егермейстера и неофициальную – “снисходительного мужа”. В истории он остался

образцовым “рогоносцем” своего времени. Следуя законам фаворитизма, страдающей императрице Елизавете Алексеевне пришлось найти утешителя-любовника. У Марии Антоновны, помимо Александра I, были и другие “поклонники”, большей частью из молоденьких царских флигель-адъютантов. Александр I ревновал свою возлюбленную и тех своих подданных, которые смели перейти ему дорогу, отправлял в далёкие и долгие командировки, кого в европейские страны, кого в противоположную сторону. Любовная история кончилась тем, что Мария Нарышкина в 1814 году сама разорвала связь с императором. Оно и понятно — “до того ль, голубчик, было”: случилась Отечественная война 1812 года, затем последовал заграничный поход 1813–1814 годов и международный конгресс победителей Наполеона в 1814 году. Два года император редко бывал в Петербурге.

Амурные похождения императора Николая I, большого любителя пеших прогулок для здоровья и мимолётных романов, Фёдор Иванович Тютчев, умнейший человек и известный острослов, окрестил “васильковыми чудачествами”. До этих чудачеств нам вроде бы дела нет. В истории сохранилась лишь долговременная связь, которую он поддерживал с одной своей фавориткой, красавицей-фрейлиной Варварой Нелидовой. Их отношения продолжались 17 лет. В генеалогических таблицах есть упоминания о внебрачных детях царя, которых, полагают, родила ему Варвара.

Впрочем, история сохранила и некоторые детали, имеющие отношение к условиям, продиктованным Николаем I, не считавшим свои “васильковые чудачества” неким прегрешением, относительно характера пребывания на каторге декабристов. Сосланные ведь были молодыми мужчинами с естественными потребностями. Что пронциательный царь учёл. Поэтому все женщины, отправившиеся вслед за ними, по прибытии в Сибирь давали подписку об отказе от семейной жизни.

Жёнам свидания с мужьями разрешались по часу два раза в неделю в присутствии офицера. Об этой интимной стороне жизни декабристов обычно стараются не говорить, хотя нормальному человеку понятно, что 60 минут “свидания” мужей со своими жёнами два раза в неделю в присутствии постороннего человека накладывали особый “колорит” на их сексуальные отношения. А они были, что легко высчитывается по датам рождения сибирских первенцев, например, Трубецких, Давыдовых, Муравьёвых и других.

Зная это, надо признать, отказ от привилегий и от привычного с детства образа жизни явился не самым тяжким испытанием для “жён ссылокаторжных”, везущих в Сибирь чепчики и соломенные шляпы, десятки пар женских перчаток, “вуаля” и “картончики с буклями”.

Более обстоятельно о Николае I есть смысл продолжить разговор потом, но позже, во время позорной для нас Крымской войны 1853–1855 годов, тот же Тютчев публично произнёс в адрес последнего внука Екатерины II:

“Чтобы создать такое безвыходное положение, нужна была чудовищная тупость этого злополучного человека”.

В данный момент тупость Николая I нас волнует меньше всего, как и оценка, часто звучащая в его адрес: мол, что взять с “коронованного жандарма”, а вот слова историка М. Н. Покровского будут как раз в тему:

“Лицемерием была проникнута вся его личная жизнь. Он был, конечно, развратен, как все его предшественники и предшественницы”.

Императором, прославившимся в качестве “рушителя” семейной чести своих подданных, назвал Николая I известный лермонтовед Ираклий Андроников. И подтвердил это конкретной историей, в которой судьба свела Лермонтова, царя, баронессу Ольгу Фредерикс и Екатерину Столыпину. Как пишет литературовед, *“...Ольга Фредерикс была дочерью генерал-адъютанта барона П. А. Фредерикса, командира лейб-гвардии Московского полка, человека, доказавшего свою преданность Николаю 14 декабря 1825 года, когда он, Фредерикс, выйдя к восставшим солдатам, упал от удара саблей по голове, нанесённого ему поручиком Щепиным-Ростовским. Мать молодой фрейлины — Цецилия Владиславовна, урождённая графиня Гуровская, полька и католичка — с детских лет состояла в интимной дружбе с императрицей, была с нею на “ты”, виделись они ежедневно, и дети Фредериксов воспитывались во дворце вместе с детьми императора. Это не помешало Николаю проявить интерес к подруге своих детей”.*

Проявление интереса происходило по привычному сценарию. Читаем у Андроникова:

“Для удобства императора... девушку, обратившую на себя “высочайшее” внимание, жаловали во фрейлины, после чего она поселялась во дворце и становилась кратковременной фавориткой. Это благосклонное внимание государя завершалось тем, что императрица начинала сватать недавнюю избранницу за кого-либо, “лично известного” государю. При этом чаще всего избранный ею жених и родители невесты рассматривали это сватовство как проявление особой монаршей “милости”. Но бывало (хоть это случалось нечасто), что история принимала другой оборот. И те, кому следовало о том беспокоиться, старались, чтобы скандальные слухи не вышли за пределы узкого придворного круга”.

У известного критика Н. А. Добролюбова есть статья “Разврат Николая Павловича и его приближённых любимцев”. Можно, конечно, усомниться в том, что разночинец Добролюбов мог знать хоть что-нибудь о жизни царской семьи. Но ведь он и поместил её в нелегальной газете “Слухи”. То есть переадресовал возможные сомнения на тех современников, кто знал о жизни двора:

“Можно сказать, что нет и не было при дворе ни одной фрейлины, которая была бы взята ко двору без покушения на её любовь со стороны или самого государя, или кого-нибудь из его августейшего семейства... Обыкновенный порядок был такой: брали девушку знатной фамилии в фрейлины, употребляли её для услуг благочестивейшего самодержавнейшего императора нашего, а затем императрица Александра начинала сватать обеспеченную девушку за кого-нибудь из придворных женихов”.

Тут уместно, забегаая вперёд, сказать: эта статья появилась через 18 лет после гибели Пушкина. Но поэт был в курсе дела, смею думать, лучше Добролюбова, хотя бы благодаря дружбе с одной из царских фавориток – Александрой Россет. В том, что женитьба на любовнице императора считалась обычным путём успешной карьеры, ни для кого секрета не было. Так, заурядная черта нравов того времени. Избирался сей путь вовсе не редко. Его ещё и почитали честью (в соответствии с понятием чести, которое исповедовало великосветское общество).

Иной взгляд был довольно редок, но случался. Например, очередную симпатию Николая Павловича, Ольгу Фредерикс, пожалованную фрейлиной к дочери Николая – великой княгине Марии, – выдали замуж за поручика лейб-гвардии гусарского полка Никитина. И муж позволил себе упрекать жену за предшествовавший её роман с венценосцем. Жена же возьми и пожалуйся царю на обидчика – мужа немедленно сослали.

Ираклий Андроников, воспроизводя этот эпизод, пишет, что факты изложены Добролюбовым не совсем точно, но по существу подтверждаются. В архиве III Отделения хранилось “Дело по жалобе поручика Василия Никитина на жену свою, преданную прудосудительной жизни”. Более того, косвенно эта история отразилась в мемуарах одной из дочерей Николая I (Ольги), которая, вероятно, даже и не догадываясь о причинах, рассказывает о крушении дружбы между Фредериксами и царской семьёй, последовавшем вскоре после описанных здесь событий.

Впрочем, Андроников воспроизводит другую реальную историю, имеющую прямое отношение к Лермонтову и другу и родственнику поэта Алексею Аркадьевичу Столыпину (Монго), которым “удалось спасти одну даму от назойливости некоего высокопоставленного лица”. Речь, считает литературовед, шла о назойливом внимании императора. “Вмешательство в интимные дела” первого лица государства даже спустя 50 лет вызвало раздражение власти против историка литературы П. А. Висковатова (первого биографа Лермонтова), обнародовавшего историю о том, как друзьям удалось дать 17-летней девушке возможность срочно выйти замуж и незаметно скрыться за границу.

Монго был внуком знаменитого адмирала Н. С. Мордвинова. У семьи Мордвиновых возникла проблема: уберечь младшую Столыпину от грозившей ей “интимной благосклонности” императора (после смерти матери дети Столыпина жили в семье Мордвиновых). Видимо, о предстоящем назначении Екатерины Столыпину фрейлиной кто-то оповестил их заранее. А у них уже был опыт, чем оборачивается назначение фрейлиной, связанный с её сестрой, Верой Аркадьевной.

Ранее Мордвиновы очень неохотно дали согласие на её назначение ко двору фрейлиной дочери Николая I – великой княжны Александры. Вначале Веру отпускали только на дневное время, чтобы она ежевечерне возвращалась

к бабушке с дедушкой. Потом ей пришлось переселиться во дворец. По статуту пожаловать во фрейлины можно было только девицу. Когда ко двору хотели приблизить замужнюю, придворное звание получал муж. Так было с Александром Сергеевичем Пушкиным. Жить во дворце замужняя женщина не могла. Спешно устроенная Мордвиновыми свадьба младшей Столыпиной нарушила планы царя. Чем это для них обернулось? Царь в гневе потребовал подготовить проект указа об «отрешении» Мордвинова от высокой должности, которую тот занимал многие годы, и лишения его звания статс-секретаря.

Кто на очереди? Александр II. Император тоже (генетика – страшная сила) был человеком увлекающимся. Про него обычно говорят, что на его счету множество романов. Хотя правильнее сказать, что романов было бессчётное количество. В юности роман с фрейлиной Бородиной. Потом роман с фрейлиной Марией Трубецкой. Затем – с фрейлиной Ольгой Калиновской. Тут цесаревич даже возжелал ради брака с ней отречься от престола. Но родители проявили жёсткость и женили его на немецкой принцессе Максимилиане Гессенской, в которую наследник российского престола, сын императора Николая I, путешествуя по Европе, влюбился, когда той было 14 лет. Мари умела владеть собой, что, по мнению Николая I, «уравновешивало недостаток энергии в Саше». У супругов родились восемь детей. Но вследствие «недостатка энергии» монарх не был верным мужем, что служило постоянной темой пересудов царского двора. Некоторые фаворитки родили от государя внебрачных детей.

В 1865 году, посещая Смольный институт, император узнаёт в одной из воспитанниц Екатерину Долгорукову, братьев и сестёр которой он взял на попечение 6 лет назад, после разорения их семьи. После чего начались их тайные встречи в Летнем саду около Зимнего дворца. Летом следующего года они впервые провели вместе ночь. 18-летняя фрейлина сумела завладеть сердцем императора.

Эта связь почему-то никому не понравилась. И главное, цесаревич, будущий император Александр III, счёл поведение папеньки не комильфо. В результате монарх вынужден был выслать фаворитку в Париж. Поговаривали, что последняя их тайная встреча состоялась через год в отеле, под присмотром французской полиции. Государь женился на давней возлюбленной в тот же год, когда умерла супруга. Это был морганатический брак (то есть заключённый с лицом не царского происхождения). Дети от этого союза (их было четверо) не могли стать наследниками престола. Примечательно, что все дети родились в то время, когда Александр II ещё был женат на первой супруге.

Вообще-то Александр II по сию пору почитается как добрейший человек. Время его правления сравнивают с наступившей «оттепелью». По случаю коронации император даровал льготы и послабления декабристам, петрашевцам, участникам польского восстания 1830–1831 годов, на 3 года приостановил рекрутские наборы. Правление Александра II было ознаменовано беспрецедентными реформами, получившими название «великих реформ». Он удостоен особого эпитета в русской историографии – «Освободитель» (в связи с отменой крепостного права по манифесту). Про два десятка его детей от разных женщин поминать не принято.

Теперь самое время покинуть царские чертоги и от венценосных особ перейти к персонажам не то чтобы попроще, но имеющим непосредственное отношение к Пушкину и его поэзии. Читатель должен признать, что в стихах Александр Сергеевич изящен и глубоко сердечен, тогда как его любовные связи носили характер прозаической будничности.

Тут стоит разобраться: почему? Потому что отношение в быту, в семье, на людях, в обществе и к себе в литературе тогда принадлежало к совершенно разным сферам бытия. Это даже не разница между *вчера* и *сегодня*. Это привычная разница поведения по разным принципам в разных ситуациях (допустим, в семье – верный муж, с друзьями – распутник). На языке современной психологии, поведение во всех случаях жизни не с позиции общепринятой моральной нормы, а поведение человека «игрового поведения».

Кстати, здесь находится одна из скреп, которая объединяла Пушкина и его задушевного друга Дельвига. Тося – так с любовью называл его Пушкин, – как и все «арзамасцы», тоже был человек «игрового поведения». Для обоих визит «к девкам» входит в сферу быта, то есть не имеет для них никакого значения, никак не соотносится с мировоззрением, социальным положением, идеологией, уровнем культуры, и значит, не бросает тени на их характер и личность в целом.

Да, такое поведение тогда было привычным для многих, но уже не всех. Опять же из лиц пушкинского круга — для Рылеева, как мы знаем, нормы поведения в принципе были едиными, и подобный поступок, с его точки зрения, воспринимался как отступление от морали, как нечто неуместное и даже грешное. Он был из тех людей, кто культивировал “серьёзность” как норму поведения и священного мироздания. Вот разговор, с явным удовольствием записанный Пушкиным:

“Дельвиг звал однажды Рылеева к девкам.

— Я женат, — отвечал Рылеев.

— Так что же, — сказал Дельвиг, — разве ты не можешь отобедать в ресторации потому только, что у тебя дома есть кухня?”

Такой подход дворянской элиты к жизни объясняет расширенный диапазон понимания ею “свободы” — от свободомыслия и политической оппозиционности до свободы от моральной нормы. В трактовке Ю. М. Лотмана, “перед нами — столкновение “игрового” и “серьёзного” отношения к жизни <...> в реальную жизнь переносится ситуация игры, позволяющая считать в определённых позициях допустимой условную замену “правильного” поведения противоположным”.

Из чего следует: распутно-праздничная свобода половых отношений, узаконенность в светском быту “антиповедения” (термин Д. С. Лихачёва), стиль поведения, включающий “девок” и хвастовство своими любовными похождениями, были именно “нормой”, а не отклонением от неё. Весь строй пушкинского времени был таков, что любовь, имевшая наработанные формы “науки страсти нежной”, занимала в жизни высших слоёв исключительное место. Любовь грезилась девушке до замужества, ею полнились мысли молодой светской дамы, выданной замуж не по любви. Она была главной темой разговоров женщин между собой, она заполняла собой поэзию. Всё это, как правило, отстояло весьма далеко от подлинных любовных чувств. Пушкин прошёл все этапы этой жизни сердца, которая во многом была ритуализованной игрой.

Здесь важно осознать: ведущей чертой, сформированной Пушкиным-человеком, была его убеждённость, что он, прежде всего, поэт. И надо согласиться с М. Н. Волконской, которая знала, что говорит:

“Как поэт, он считал своим долгом быть влюблённым во всех хорошеньких женщин и молодых девушек, с которыми он встречался <...> В сущности, он обожал только свою музу и поэтизировал всё, что видел”.

Пушкин всегда строил свою личную жизнь именно как личность поэта. Такая жизненная философия позволяла ему находить поэзию и красоту, истину и мудрость там, где обычный взгляд замечал заурядную рутину и пошлость.

Впоследствии циники сформулируют подобный подход коротко и ясно: “Всё на продажу”. Кто знает, не исключаю, исходя из пушкинских же слов: “Не продаётся вдохновенье, // Но можно рукопись продать”. И содержание этих трёх слов не представлялось негативным. Просто подразумевалось: всё, что поэт видел, слышал, чувствовал, думал, он вправе использовать при написании произведений. Всё — значит всё, и хорошее, и плохое. (Тут на память приходят известные слова Анны Ахматовой о тайнах мастерства: “Когда б вы знали, из какого сора // Растут стихи, не ведая стыда, // Как жёлтый одуванчик у забора, // Как лопухи и лебеда. // Сердитый окрик, дёгтя запах свежий, // Таинственная плесень на стене...”)

Взгляд на жизнь, сформулированный Н. Некрасовым: “Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан”, — не из Собрания сочинений Пушкина, который, конечно, стремился быть гражданином, но исключительно в качестве поэта.

И когда мы сегодня упрекаем или хвалим Пушкина, меряя всё нынешним аршином, говорим: он относился обычно довольно легко к проявлениям сердечной привязанности, он был хамом и циником с женщинами, был хитёр, двуличен и скрытен с приятелями, или, наоборот, он прям и благороден, проявлял глубокое и трогательное чувство, был готов всё понять и всё простить... Всё это — слова из другого романа. Пушкин в жизни был сыном своего времени, не больше, но и не меньше.

И нет ничего удивительного в том, что женщин, приносящих ему счастливые и одновременно драматические перемены-изломы, повороты мысли и сознания, перемены в судьбе, принимал он, видимо, только в творческом плане. Любовь вносила некоторое разнообразие в характер его отношения к женщине. Но влечение и увлечённость не принесли ему ни единства внутренних

переживаний, ни полного слияния, ни радости общего бытия. На какое-то время вспыхивала страсть, сопровождаемая ревностью, он оба эти состояния переживал необычайно интенсивно и бурно. Чувство высокого и чистого поклонения “вечно женственному” присутствовало лишь в лирике, но никак не в его повседневной жизни.

Каждый раз его что-то не устраивает, что-то останавливает, что-то пугает, он хочет довериться и не находит, кому: они его не понимают. “На свете нет ничего более верного и отрадного, нежели дружба и свобода, — пишет он Осиповой. — Вы научили меня ценить всю прелесть первой”. И в то же время рождаются иные строки:

*Что дружба? Лёгкий пыл похмелья,
Обиды вольный разговор,
Обмен тщеславия, безделья
Иль покровительства позор.*

Ум его конфликтует с сердцем, и так всю жизнь. Возникает странная параллель с более поздним временем, когда появится автомобиль: водитель одной ногой давит на газ, а другой — на тормоз. В результате всё непредсказуемо: то ли жизнь поэта остановится, то ли всё в ней перевернётся вверх дном. Началось это сразу после Лицея. Александр Тургенев делился тогда с Вяземским:

“Сверчок прыгает по бульвару и по б...м... Но при всём беспутном образе жизни его, он кончает четвертую песнь поэмы”.

Он не мог жить без женщин, приносящих ему художественное вдохновение. Потому что, как напишет В. Ф. Ходасевич в работе “О Пушкине”:

“То, что некогда пережил он сам, Пушкин нередко заставлял переживать своих героев, лишь в условиях и формах, изменённых соответственно требованиям сюжета и обстановки. Он любил эту связь жизни с творчеством и любил для самого себя закреплять её в виде лукавых намёков, разбросанных по его писаниям. Искусно пряча все нити, ведущие от вымысла к биографической правде, он, однако же, иногда выставлял наружу их едва заметные кончики”.

Эти “едва заметные кончики” особенно интересно рассматривать в элегии “Для берегов отчизны дальней...”, написанной Пушкиным, когда он попал в капкан болдинского карантина осенью 1830 года (знаменитой “Болдинской осенью”). Тогда, в преддверии женитьбы, поэт затеял “прощание” с увлечениями своей молодости. Почему-то память среди других высветила воспоминания об одесском увлечении Амалией Ризнич. С пера на бумагу сходит элегия, а вслед за ней и “Заклинание”:

*Явись, возлюбленная тень,
Как ты была перед разлукой,
Бледна, холодна, как зимний день,
Искажена последней мукой.
Приди, как дальняя звезда,
Как лёгкий звук иль дуновенье,
Иль как ужасное виденье,
Мне всё равно... Сюда! сюда!..*

С этими двумя произведениями, считается, есть хоть какая-то “ясность”. А вообще литературоведам, бравшимся найти ответ на вопрос, какие пушкинские стихотворения посвящены именно Амалии Ризнич, чья жизнь оборвалась в 23 года, можно посоветовать. Поди различи, какие строки отнести к ней, какие — к графине Воронцовой, какие — к Каролине Собаньской, какие — к другим одесским увлечениям поэта. Вопрос остаётся до конца не выясненным по сию пору. А вывод, что эпизод увлечения Амалией Ризнич принадлежит к “запутаннейшим пунктам биографии” Пушкина, сделанный ещё П. Е. Щёголевым, энтузиастов-искателей прообразов, похоже, только воодушевляет. Их не останавливает резонное замечание Вересаева, что поэзия — “источник, в общем, не совсем надёжный: поэты, — а Пушкин в особенности, — далеко не всегда отражают в стихах подлинные свои настроения и отношения”.

Куда оригинальнее и продуктивнее мне видится гипотеза литературоведа В. Э. Вацура об элегии “Простишь ли мне ревнивые мечты...” (1823), посвящённой Амалии Ризнич. Он нашёл сходство пушкинского текста с мотивами

элегии французского поэта Мильвуа “Беспокойство”. И счёл, что Пушкин, обнаружив сборник с этим произведением, созвучным его недавним мукам ревности, захотел... посостязаться с автором-французом в модном жанре поэзии. Чего-чего, а чувства ревности у него было в избытке, и не только в отношении Ризнич.

Впустую гадать, насколько написанные им строки соответствуют жизненной правде. Это не парадокс и не странность, это нормальное явление: чем больше поэт отстранялся от конкретных реалий, а его возлюбленная “превращалась” в свою романтическую тень, тем художественно совершеннее становились стихи. Каковы тогда в Одессе были их отношения? Одни уверяют, что молодые люди были близки. Другие клянутся, что мучительная, страстная, отравленная ревностью, “как чёрный сплин, как лихорадка, как повреждение ума”, любовь Пушкина к Амалии была лишь платонической. Что для нас меняет это в стихах Пушкина — понять невозможно.

Дальше можно последний тезис приводить применительно ко множеству стихов о любви, в написании которых “повинны” женщины, чьё счастье и одновременно несчастье заключались в том, что судьбе было угодно свести их с Пушкиным. Но мы вернёмся, что намеревались ранее сделать, к Керн, той, кому поэт собственноручно вручил листок со стихотворением “Я помню чудное мгновенье...” (традиционное, по первой строке, название эпохального стихотворения Александра Сергеевича “К***”, обращённого, по общепринятой версии, именно к ней).

Впервые “К***” было напечатано в 1827 году в альманахе “Северные цветы”, издававшемся Дельвигом. То есть прошло достаточно времени, почти два года, прежде чем Пушкин решил его опубликовать. История отношений Пушкина и Керн растиражирована, наверное, ничуть не меньше 24-х строк самого стихотворения. Познакомились в 1819 году в Петербурге в доме президента Академии художеств Оленина, жене которого Анна Петровна приходилась племянницей. Произвела ли Анна Керн на юного поэта неизгладимое впечатление? Принято писать, что было именно так. Что ж, пишем зная лучше.

Затем Михайловское, 1825-й год. Тут, “в глуши, во мраке заточенья”, произошла их новая встреча. Тогда Керн гостила у своей тётки в имении Тригорское по соседству с Михайловским. Других соседей у Пушкина не было. Владелица Тригорского — двукратная вдова Прасковья Александровна Осипова (урождённая Вындомская), по первому мужу Вульф, — правила здесь женским царством, состоявшим из барышень и молодых дам (её дочери от первого брака — Анна Николаевна и Евпраксия Николаевна; её падчерица — Александра Ивановна Осипова, её племянницы — Анна Ивановна Вульф и Анна Петровна Керн, если не считать ещё двух младших дочерей П. А. Осиповой, совсем маленьких девочек). Исключение составлял сын хозяйки Алексей Николаевич Вульф.

Среди живущих в Тригорском царили, надо признать, совсем не монастырские законы. Пушкин купался здесь в девичьей влюблённости Анны Вульф, заботливой нежности Осиповой, весёлой фривольности Керн... Знакомые с бальным этикетом начала XIX века могут успокоиться. Правило, будто танцевать большое количество танцев за один вечер с одной дамой могут позволить себе только родственники (муж с женой, братья с сёстрами) и жених с невестой, в Тригорском не работало. Полагать, что это может бросить тень на репутацию вашей дамы, а вам, как честному и благородному человеку, придётся на ней жениться, не приходилось. С каждым днём, проведённым в соседнем имении, Пушкин убеждался всё больше, что патриархальные сельские нравы вовсе не строги: даже серьёзный роман с тригорской барышней не повлечёт за собой брачных уз. В результате за время жизни в Михайловском Пушкин завёл романы почти со всеми обитательницами Тригорского: и с хозяйкой, и её дочерью, и с племянницами и падчерицей.

Конечно, в четвёртой главе романа в стихах речь идёт об Онегине. Но, как писал сам поэт, “в 4-й песни Онегина я изобразил свою жизнь в деревне...”:

*В красавиц он уж не влюблялся,
А волочился как-нибудь;
Откажут — мигом утешался;
Изменят — рад был отдохнуть.*

Желающие вникнуть в подробности, когда, за кем, в каком порядке волочился Пушкин, наезжая погостить в Тригорское, легко получат соответствующую

информацию в изданиях, коим нет числа. Мне же хочется, прежде всего, упомянуть ту, память о которой сохранилась в двух всем известных строчках в “Евгении Онегине”:

*Чем меньше женщину мы любим,
Тем легче нравимся мы ей...*

Это 25-летняя дочь Осиповой от первого брака Анна Николаевна Вульф. Такое трудно себе вообразить въяве: Анна влюбилась в Пушкина без памяти, а у него к ней ни нежности, ни страсти. Из адресованных ему писем Анны ясно, что даже состоявшаяся плотская близость не пробудила в нём ответного чувства, не изменила его снисходительно-дружеского отношения. Можно предположить, что Пушкин... испугался необычной для него ситуации, когда не он добивался благосклонности девушки. Можно – что мысль о женитьбе ещё не посетила его. Можно – что мысленный образ той, кто мог бы соответствовать его “идеалу”, не накладывался на реальную Анну. Что-то, видимо, в душе его царапало, но выплеснуть свои мысли в стихах оказалось проще, чем сказать девушке напрямую:

*Когда б семейственной картиной
Пленился я хоть миг единый, —
То верно б кроме вас одной
Невесты не искал иной.
Скажу без блёсток мадригальных:
Нашед мой прежний идеал,
Я верно б вас одну избрал
В подруги дней моих печальных...*

Пушкинские строки замечательны тем, что они позволяют наглядно увидеть, как в них реальное трансформируется в поэтическое, отстранённое от этого самого реального. Дело в том, что пройдёт не так уж много времени, и “семейственная картина” и поиск невесты окажутся для Пушкина очень даже актуальными. Но избрания Анны в *подруги дней его печальных* не случилось. Более того, Анна стала той “жилеткой”, в которую поэт приезжал “поплакаться” в ситуациях неудач на любовном фронте.

Он появлялся у неё в трудную для него минуту – залечивал свои душевные раны осенью 1828 года после “облома” со сватовством к Анне Олениной. Так же было и осенью 1829 года, когда, получив отказ на своё предложение Наталье Гончаровой, Пушкин, пребывающий “в полном отчаянии”, заявился незванным гостем в усадьбу “Малинники”, где застал Анну одну, и они провели вместе три недели. Помните написанные там два стихотворения (“Зима. Что делать нам в деревне?..” и “Зимнее утро”), проникнутые ощущением безмятежного покоя и счастья?

*Мороз и солнце; день чудесный!
Ещё ты дремлешь, друг прелестный, —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры...*

Но “блестки мадригальные” остались блёстками – Пушкин не избрал умную, образованную девушку в *подруги дней своих печальных*. К слову, стихотворную “красавицу” в жизни вряд можно было назвать красавицей, хотя обаяния ей было не занимать (это опять по поводу реального и словесного). Забегая вперёд, надо сказать, что в 1834 году Анна Вульф вышла замуж за поручика Корпуса инженеров путей сообщения В. И. Трувеллера и вскоре умерла. При жизни она оставалась, пожалуй, самой преданной Пушкину женщиной. История, как известно, не знает сослагательного наклонения. Но порой вопрос, как сложилась бы дальнейшая судьба поэта, прими он тогда иное решение, нет-нет, да и приходит в голову.

А теперь о племяннице Осиповой – Анне Петровне Керн. Её приезд в Тригорское случился в июле 1825 года. Тогда Пушкин узнал, что Керн, бросив мужа-генерала, последнее время жила в свободном браке с незадачливым украинским поэтом Аркадием Родзянко в Лубнах (на Украине). А теперь, похоже, рассталась и с Родзянкой. Иными словами, в понимании Пушкина, она была свободна и доступна.

Волнительный блеск в глазах Александра Сергеевича не остался незамеченным кокетливой гостьей. И то, и другое весьма встревожило Прасковью Александровну, на глазах у которой всё это происходило. Воспрепятствовать Анне Петровне принять приглашение поэта посетить Михайловское она не могла. Но, как считает Вересаев, тогда в Михайловском до интима не дошло. По простой причине: у Керн были в разгаре два других романа – с Алексеем Вульфом и соседом-помещиком Рокотовым. Через год после того, как они с Пушкиным расстались, Керн родила третью дочь, значит, ребёнок этот был не от поэта.

Однако уже тем же вечером Прасковья Александровна распорядилась заложить экипаж и поутру отправила племянницу к брошенному, но ещё не дававшему ей развода мужу. Для надёжности Прасковья Александровна даже поехала сопровождать её до Риги, прихватив с собой дочерей Анну и Евпраксию.

Почему Осипова столь решительно пресекла ухаживания Пушкина за Керн и спешно выпроводила её из Тригорского? Гадать можно сколько угодно. Вскоре, как только заметила, что Пушкин принялся нешуточно обхаживать её Анну, она поступила так же с собственной дочерью. Что ею руководило? Анна Николаевна считала, что ревность:

“Вчера у меня была очень бурная сцена с маменькой... она заявила, ...что безусловно оставляет меня здесь <в Малинниках>... и что она не может взять меня с собой <в Тригорское>... – Я в самом деле уверена, как и Анета Керн, что она хочет одна завладеть Вами и оставляет меня здесь из ревности...”

Скорее всего, Анна Николаевна была права. Гонимый, неустроенный поэт с его импульсивным характером и недавно овдовевшая Осипова были каждый по-своему несчастны, оба ощущали себя одиночками, что и сделало их необходимыми друг другу. Физика жизни такова, что в ней притягиваются и люди, имеющие одинаковые “заряды”. Насколько близким было это притяжение между Пушкиным и хозяйкой Тригорского? Что нам с того, если это перестанет для нас быть тайной? Во всяком случае, он пожелал скрыть от нескромных взоров, каковы были в действительности их отношения. Все её письма 1820-х годов он уничтожил. От них случайно сохранились только два обрывка. В одном можно увидеть:

“...целую ваши прекрасные глаза, которые я так люблю...”

Разница в возрасте вряд ли могла стать препятствием на пути сближения Пушкина с Осиповой. Пушкина, если вспомнить его объяснение Карамзиной, ухаживание за Голицыной, связь с 46-летней Елизаветой Хитрово, это мало смущало. Многое в письмах Пушкина к П. А. Осиповой свидетельствует о том, что он ценил её преданность и искренность. За что и обессмертил Прасковью Александровну посвящением ей знаменитого цикла “Подражание Корану”, стихотворением “Быть может, уж недолго мне...” и одной из своих миниатюр, очень трогательной:

*Цветы последние милей
Роскошных первенцев полей.
Они унылые мечтанья
Живее пробуждают в нас,
Так иногда разлуки час
Живее сладкого свиданья.*

Следующая встреча Пушкина с Керн состоялась после длительного перерыва. Считается, что будто бы именно она вдохновила поэта на создание стихотворного шедевра и что автограф произведения Пушкин лично преподнёс Анне Керн перед её отъездом из Тригорского в Ригу. Почему считается?

Спустя годы, когда Пушкина уже не было в живых, Анна Петровна написала “Воспоминания о Пушкине”, в которых “воспроизвела” историю, связанную с этим произведением. Из неё мы знаем, что поэт принёс ей экземпляр 2-й главы “Евгения Онегина” в неразрезанных листках, между которых она обнаружила вчетверо сложенный почтовый лист бумаги со стихами “Я помню чудное мгновенье...” “Когда я сбиралась спрятать в шкатулку поэтический подарок, он долго на меня смотрел, потом судорожно выхватил и не хотел возвращать; насилу выпросила я их опять; что у него промелькнуло тогда в голове, не знаю”, – написала она. По поводу причины, почему Пушкин хотел забрать стихи обратно, существует много версий, но имеет ли она отношение к любви-страсти поэта – можно лишь гадать.

Сам Пушкин в письме Анне Вульф после расставания с Керн писал:

“Каждую ночь я гуляю в своём саду и говорю себе: “Здесь была она... камень, о который она споткнулась, лежит на моём столе подле увядшего ге-лиотропа. Наконец, я много пишу стихов. Всё это, если хотите, крепко похо-же на любовь, но боюсь вам, что о ней и помину нет””.

В одном из писем Осиповой он набросал портрет её племянницы:

“Хотите знать, что такое г-жа К...? — она изящна; она всё понимает; лег-ко огорчается и так же легко утешается; у неё робкие манеры и смелые по-ступки, но при этом она чудо как привлекательна”.

Переписка была и с самой Керн. Неизвестно, что отвечала ему Керн, Пушкин не хранил её письма. Но она письма Пушкина сохранила, они дошли до нас:

“Вы уверяете, что я не знаю Вашего характера. А какое мне до него де-ло? Очень он мне нужен! Разве у хорошеньких женщин должен быть характер? Главное — это глаза, зубы, ручки и ножки... Как поживает Ваш супруг? Наде-юсь, у него был основательный припадок подагры через день после Вашего приезда? Если бы Вы знали, какое отвращение... испытываю я к этому чело-веку! ... Умоляю Вас, божественная, пишите мне, любите меня”.

В другом письме:

“... я люблю Вас больше, чем Вам кажется... Вы приедете? Не правда ли? А до тех пор не решайте ничего касательно Вашего мужа. Наконец, будь-те уверены, что я не из тех, кто никогда не посоветует решительных мер, — иногда это неизбежно, но раньше надо хорошенько подумать и не создавать скандала без надобности. Сейчас ночь, и Ваш образ встаёт передо мной, та-кой печальный и сладострастный: мне чудится, что я вижу... Ваши полуот-крытые уста... мне чудится, что я у Ваших ног, сжимаю их, ощущаю Ваши ко-лени, — я отдал бы всю свою жизнь за миг действительности. Прощайте и верьте моему бреду; он смешон, но искренен”.

Можно ли воспринимать эти строки всерьёз, или они больше похожи на традиционное словесное оформление флирта: весёлая и лёгкая болтовня с иг-ривыми намёками? Решайте сами. И не удивляйтесь: спустя два года не ме-нее искренне Пушкин будет с удовольствием повторять пару строк из шуточ-ных стихов Сергея Соболевского к А. П. Керн и баронессе С. М. Дельвиг: “У дамы Керны ноги скверны”.

Безотносительно к стихотворению многие пушкинисты полагают, что ув-лечение Анной Керн было для поэта не особенно серьёзным... И впрямь “ми-молётное виденье”. Как заметила одна наша современница, “в глухомань, в ссылку к Поэту приехала восторженная женщина, а поэт был просто мужчи-ной, который был поэтом...”

В ту же пору вслед Керн и письмам Пушкина в Ригу к Анне Петровне от-правляется её двоюродный брат Алексей Вульф. По приезде у них случился бурный роман. В 1825 году студент Вульф по уши влюблён в свою кузину Ан-ну Керн, и кузина ответила ему полной взаимностью.

Ничего удивительного: позже Вульф будет в близких отношениях и с младшей сестрой Анны — Елизаветой Петровной Полторацкой. Лиза на два года младше Анны. “Высокого роста, с прекрасной грудью, руками и ножка-ми, и с хорошеньким личиком, — одним словом, она слыла красавицей”, — писал о ней Вульф. Картину нравов того времени можно представить по его характерной дневниковой записи 2 января 1830 года:

“Довольно забавно, что, познакомившись короче, я с нею бился об за-клад, что она в меня влюбится.

Не стану описывать, как с этих пор возрастала её любовь ко мне до стра-сти, как совершенно предалась она мне, со всем пламенем чувств и вообра-жения, и как с тех пор любовью ко мне дышала. Любить меня было её един-ственное занятие, исполнять мои желания — её блаженство; быть со мною — всё, чего она желала. И эти пламенные чувства остались безответными! Они только согрели мои холодные пока чувства. Напрасно я искал в душе упое-ния! Одна чувственность говорила. Проводя с нею наедине целые дни (Анна Петровна была всё больна), я провёл её постепенно через все наслаждения чувственности, которые только представляются роскошному воображению, однако не касаясь девственности. Это было в моей власти, и надобно было всю холодность моего рассудка, чтобы в пылу восторгов не переступить гра-ницу, ибо она сама, кажется, желала быть совершенно моею и, вопреки мо-им уверениям, считала себя такою”.

В работе “Любовный быт пушкинской эпохи” известного литературоведа и историка П. Е. Щёголева можно прочесть:

“Анна Петровна знала, конечно, о любовных историях Вульфа, и это знание не мешало их взаимным наслаждениям; в свою очередь, близкие отношения с Вульфом несколько не мешали и Анне Петровне в её увлечениях, которых она не скрывала от него. Они не были в претензии друг на друга”.

И жениться на кузинах, и иметь их в любовницах тогда было в порядке вещей — такое вот время. Между прочим, тут можно вспомнить прокомментированный список всех лицейских однокурсников Пушкина из дневника М. А. Корфа. Эта запись появилась через 23 года после окончания Лицея первым выпуском и через 2 года после гибели поэта. Из неё следует, что из одиннадцати женатых выпускников двое женаты как раз на кузинах. Говоря языком сухой математики, получается, что фактически примерно каждый пятый.

Когда Анна Керн появится в Петербурге, она станет снимать маленькую квартирку в доме, где жил друг Пушкина — поэт барон Дельвиг со своей женой. Вспоминая те дни, Керн упомянет, что “однажды, представляя одному семейству свою жену, Дельвиг пошутил: “Это моя жена”, — и потом, указывая на меня: “А это вторая””.

Возвращаясь к письму Пушкина 1828 года, в котором он пишет о происшедшей-таки его связи с Анной Керн, следует иметь в виду, что в это же самое время роман Анны Керн с её двоюродным братом всё ещё продолжался, хотя, “встречаясь” с Анной Керн, Алексей Вульф одновременно “встречался” с Софьей Дельвиг и с ещё одной барышней.

Лет через десять в письме к жене Пушкин назовёт Анну Керн дурой и пошлёт к чёрту. Действительно ли он так думал или жанр письма жене требовал? Можно считать по-разному. Но истории известно, что, познакомившись с “Воспоминаниями о Пушкине”, Тургенев в письме Полине Виардо обронил: “Она не умна”.

И ещё два штриха, имеющих отношение к Анне Керн. Накануне свадьбы Пушкина жена Дельвига писала ей:

“... Александр Сергеевич возвратился третьего дня. Он, говорят, влюблён больше, чем когда-либо. Однако он почти не говорит о ней. Вчера он привёл фразу — кажется, г-жи Виллуа, которая говорила сыну: “Говорите о себе с одним только королём, а о своей жене — ни с кем, иначе вы всегда рискуете говорить о ней с кем-то, кто знает её лучше вас””.

И несколько строк самой Керн:

“Пушкин уехал в Москву (Он уехал в начале марта 1829 года. — А. Р.), и, хотя после женитьбы и возвратился в Петербург, но я не более пяти раз с ним встречалась, — пишет Анна Петровна. — ... женитьба произвела в характере поэта глубокую перемену. ... он на всё смотрел серьёзнее. В ответ на поздравление с неожиданною в нём способностью вести себя, как прилично любящему мужу, он шутил отвечал: “Ce n'est que de l'hipocrisie” (“Я просто хитёр”, или “Это только лицемерие”)”.

С литературной точки зрения всё ясно: есть лирический шедевр Пушкина, начинающийся со слов “Я помню чудное мгновенье...” Есть реальный биографический факт отношений Пушкина и Анны Керн. Утвердилась личностная фокусировка событий, что великим стихотворением “Я помню чудное мгновенье...” мы обязаны Анне Петровне. Так ли это? Ей ли? Или она здесь постольку-поскольку? Можно ли счесть оправданной постановку знака равенства, равно как и отождествление “гения чистой красоты” с реальной биографической Анной Петровной Керн? И как быть в случае признания узко биографической подоплёки стихотворного послания с тематической и композиционной схожестью “К***” с другим любовным поэтическим текстом под названием “К ней”, написанным Пушкиным в 1817 году?

Ответы на эти вопросы, надо признать, куда существенней для нас нежели удовлетворение любопытства: что было между Пушкиным и Анной Керн? Да, изящный профиль этой женщины запечатлён рукой Пушкина на полях “Евгения Онегина”. Да, Анна Петровна Керн — одна из женщин, имя которой навсегда связано в нашем сознании с именем величайшего русского поэта. Что из этого следует? Только то, что история их взаимоотношений — яркий пример того, как далеко бывает пошлая обыденность от поэтической фантазии и в то же время как прочно они связаны. Источник вдохновения не всегда адекватен произведению. И наоборот: лирическое стихотворение далеко не всегда адекватно источнику вдохновения.

В этой связи тем интересней выдвигавшиеся другие версии по поводу лирической героини стихотворения Пушкина. Поэт Михаил Дудин считал ею крепостную девушку Ольгу Калашникову. Он даже (в русле этой гипотезы) посвятил ей своё стихотворение “Об Ольге Калашниковой моя песня”. Другую неожиданную версию выдвинул современный поэт, переводчик и эссеист Вадим Данилович Николаев, согласно которой стихотворение посвящено... Татьяне Лариной. Согласно его версии, пушкинское “Я помню чудное мгновение...” – никакая “не любовная лирика, а стихи о создании образа”.

Фееричная жизнь Анны Петровны с её бесконечными романами, которые делали её положение разведённой женщины более чем скандальным, лишь множили слухи, дошедшие до нашего времени, что у неё, кроме связи с Вульфом, Дельвигом и Пушкиным, были интимные отношения с композитором Глинкой, с поэтом Веневитиновым, с библиофилом С. Соболевским, с профессором и цензором А. В. Никитенко, жившим в одном доме с А. П. Керн, с Львом Пушкиным и даже с отцом Александра Сергеевича, который потом влюбился и в её дочь. Можно ещё добавить, что одним из её успешных поклонников был Александр I.

Но вряд ли это стало причиной, по которой Александр Сергеевич ту, кого сначала поэтически назвал “гением чистой красоты”, потом стал именовать иначе. Это как в компании рассказывать непристойные, с пикантными ситуациями анекдоты – всегда найдутся и любители их, и противники. И добиваться женщин, о которых “ходит слава”, и обсуждать “общих” любовниц тогда было в порядке вещей – такое время. Таковы любовные нравы эпохи. Таков интимный быт пушкинской поры.

Кстати, хочется заметить, что среди возможных определений Пушкин употребил в стихотворении не какую-нибудь “небесную” красоту, а “чистую”. Словно на противоположности сыграл. И ещё. Помните, он назовёт Анну Керн душой? И где? В частном письме.

Позже Керн напишет:

“...нахожу, что он был так опрометчив и самонадеян, что, несмотря на всю его гениальность – всем светом признанную и неоспоримую, – он точно не всегда был благоразумен, а иногда даже не умён, в таком же смысле, как и Фигаро восклицает: “Ах, как они глупы, эти умные люди!”

Можно сказать, обменялись любезностями. Но где это сделала Керн? В своих воспоминаниях, рассчитанных на широкого читателя. Как видим, есть некоторая разница. К тому же жизнь показывает, что назвать человека дураком и считать его таковым – две большие разницы.

Кто из них больше дурачился в отношениях друг к другу (он, например, подписал как-то письмо к ней словами “Яблочный Пирог”?) Кто был более, кто менее неблагоразумен? Кто проявлял себя более, кто менее умным? Можно вообразить, что боль одного не всегда воспринималась и отзывалась болью другого. Но мы знаем, что на содержании пушкинских стихов это никак не отразилось. Если какое эхо и прозвучало, то в воспоминаниях участницы отношений:

“Помню ещё одну особенность в его характере, которая, думаю, была вредна ему: думаю, что он был более способен увлечься блеском, заняться кокетливым старанием ему нравиться, чем истинным, глубоким чувством любви. Это была в нём дань веку, если не ошибаюсь; иначе истолковать себе не умею! Острое словцо, живая реплика всегда ему нравились”.

Надо ли пушкинские “дурак” и “дура” принимать всерьёз? В 1824 году в письме сестре досталось всем соседским барышням: “Твои троюгорские приятельницы несносные дуры”. Так он “обласкал” 25-летнюю дочь Осиповой Анну Николаевну Вульф и падчерицу, 19-летнюю Алину, за которыми впоследствии при других обстоятельствах и в другом расположении духа станет ухаживать.

Самой Керн, что есть “дань веку”, суждено будет сознавать на собственном опыте всю жизнь. Анне Петровне будет 36 лет, когда в неё страстно влюбится её троюродный брат А. В. Марков-Виноградский, которому в ту пору всего 16 лет (чем не доказательство её привлекательности?). Он ещё воспитанник кадетского корпуса, но она ответит ему взаимностью и выйдет за него замуж. При этом ей придётся отказаться от генеральской пенсии, жить вдали от столиц и, по сути, в бедности. Их осуждали в свете, тем не менее Александр Васильевич одарил супругу любовью, заботой и нежностью.

Жили они долго. Анна Петровна всего на три месяца пережила мужа. И было ей тогда 79 лет. Вот и думай после этого, что разглядел в ней Пушкин, ког-

да писал о “чистой красоте”. Опять приходится гадать, чего в его шедевре больше: конкретики человеческого образа, удивительного прозрения или художественного видения, запечатлевшего великие и чудные мгновения — “и божеество, и вдохновенье, и жизнь, и слёзы, и любовь”.

Так что “Я помню чудное мгновенье...”, если вдуматься, посвящено таинству любви, а не Анне Керн. Собственно, поэтому мы и храним эти строки в своей памяти. А вот стихи другого поэта, пушкинского сокурсника по Лицею, Алексея Илличевского, прямо адресованные к Анне Петровне, известны разве что специалистам:

*Ты не жена и не девица,
Разъезд же с мужем для тебя —
Что после ужина горчица!..*

Понятно после этого, что тема “Пушкин и женщины” имеет философский характер, а не конкретно-личностный. По крайней мере, такой подход куда объективнее, нежели выяснение, где, с кем и когда в иных исторических обстоятельствах поэт из пазлов с женскими именами складывал историю личной жизни, а параллельно писал историю русской лирической поэзии.

Пушкинские женщины внесли большой вклад в поэзию, которой мы сейчас гордимся. А его поэзия сохранила их от забвения.

Желая понять характер отношений поэта с тригорскими девушками, его привычки и нравы любовного обхождения с женщинами, следует беспристрастно глядеть на чувственную сторону жизни поэта. Не потому, что она интересна, а потому, что важна для изучения творчества Пушкина. Как-никак без любви не рождаются стихи. Я не стал бы говорить этой банальности, если бы не существование стойкого желания смотреть на пушкинские стихи исключительно как на дневниковые записи. Вникнуть в нравы любовного обхождения с женщинами в ту эпоху — значит лучше понять и самого Пушкина, и, допустим, его роман в стихах “Евгений Онегин”. Откройте его первую главу и перечитайте строки о Евгении:

*Как рано мог он лицемерить,
Таить надежду, ревновать,
Разуверять, заставить верить,
Казаться мрачным, изнывать,
Являться гордым и послушным,
Внимательным, иль равнодушным!
Как томно был он молчалив,
Как пламенно красноречив,
В сердечных письмах как небрежен!
Одним дыша, одно любя,
Как он умел забыть себя!
Как взор его был быстр и нежен,
Стыдлив и дерзок, а порой
Блистал послушною слезой!*

Заодно можно взглянуть на две пропущенные строфы той же первой главы, которые имеются в черновой рукописи (впрочем, стихи про “усатого кота” не останутся без применения и в малом изменении с превращением в “лукавого кота” найдут своё место в “Графе Нулине”):

XIII

*Как он умел вдовы смиренной
Привлечь благочестивый взор
И с нею скромный и смятенный
Начать, краснея, разговор,
Пленять неопытностью нежной
Любви, которой в мире нет,
И пылкостью невинных лет.
Как он умел с любую дамой
О платонизме рассуждать
И в куклы с дурочкой играть,*

*И вдруг нежданной эпиграммой
Её смутить и наконец
Сорвать торжественный венец.*

XIV

*Так резвый баловень служанки,
Анбара страж, усатый кот
За мышью крадется с лежанки,
Протянется, идёт, идёт,
Полузажмурысь, подступает,
Свернётся в ком, хвостом играет,
Готовит когти хитрых лап
И вдруг бедняжку цап-царап.
Так хищный волк, томясь от глада,
Выходит из глуши лесов
И рыщет близ беспечных псов
Вокруг неопытного стада;
Всё спит, и вдруг свирепый вор
Ягнёнка мчит в дремучий бор.*

Есть возможность сравнить эти поэтические строки с дневниковыми записями его современника – очень полезное занятие. Тем более, что существуют таковые, имеющие прямое отношение непосредственно к участникам событий. Самое время обратиться к обширной публикации Алексея Вульфа. Его “Дневники 1827–1842 гг.” (в разные годы они выходили то с подзаголовком “Любовный быт пушкинской эпохи”, то “Любовные похождения и военные походы”), в которых подробно, с нескромными подробностями, описана его интимная жизнь, позволяют познакомиться с произведением совершенно исключительно для русской литературы.

Нет нужды подчёркивать все нюансы этого источника бесценной информации о людях 1820–1830-х годов, достаточно сказать, что значение его для истории нравов не подлежит сомнению. “Дневники” Вульфа – это страницы истории любовного быта, знакомящие нас с любовным “этикетом” пушкинской поры. Не тем, что мы зачастую вообразаем себе, а с реально существовавшим. П. Е. Щёголев по их поводу писал:

“Любовные переживания Вульфа не были патологическими; они носят на себе печать эпохи и общественного круга, к которому он принадлежал. Если бы Вульф был исключением, то его дневник не представлял бы общего интереса. Но дело в том, что рядом с Вульфom и за ним стояли ему подобные, что в круг его переживаний втягивались девушки и женщины его общественной среды, что в этом общественном круге его любовные переживания не казались выходящими из порядка вещей. С этой точки зрения дневник Вульфа – целое откровение для истории чувства и чувственности среднего русского дворянства 1820 – <18>30-х годов. Самое обращение с женщинами и девушками такое, какое нам трудно было бы представить без дневника Вульфа. Правда, в письмах самого Пушкина хотя бы к жене, в его произведениях кое-где, в письмах князя Вяземского к жене уже встречались нам намёки на иной, не похожий на наш любовный быт, но это были намёки, рассеянные подробности картины, которую можно нарисовать только теперь при помощи дневника Вульфа.

Но все эти похотливые извилины чувственности, эти формы чисто чувственной любви характерны ли для Пушкина? Не слишком ли смело отождествить методу Мефистофеля, как её рисует Вульф, и образ обращения с женщинами, которого придерживался Вульф, с методой и образом обращения самого Пушкина? У Вульфа есть прямые свидетельства, которые дают нам в известной мере право на такое отождествление. Из песни слова не выкинешь, и мы не должны скрывать от себя и закрывать глаза на проявления пушкинской чувственности. В исторической обстановке, которую мы можем восстановить по дневнику, эти проявления теряют свою экзотическую исключительность. Пора уж отказаться от сюсюканья в рассуждениях о Пушкине.

<...>

Помимо указанного специфического историко-бытового значения, романы, записанные в дневнике Вульфа, любопытны ещё и тем, что героинями их

были, по большей части, пушкинские женщины, имена которых хорошо известны не только специалистам-исследователям, но и всем любителям пушкинского творчества. . . ”

Тут бы, собственно, и закончить историю о любовных пересечениях Пушкина в пространстве истории, быта и нравов, началом которой послужил так называемый “донжуанский список” поэта. Но одна строка из него, одно женское имя, спрятанное за двумя загадочными символами NN, требует особого разговора.

Обычно берущиеся расшифровать “утаённую любовь Пушкина” называют имена женщин, на мой взгляд, отношения с которыми никакой тайной не являются. Ну, какой тайной могут быть отношения с Марией Раевской-Волконской, если она сама не то что не скрывала, а, наоборот, при любом случае их выпячивала? И имя Елизаветы Воронцовой на слуху присутствует – на выбор Елиза и Елизавета. Екатерина Карамзина (версия Ю. Тынянова)? – так “Катерина” упомянута аж 4 раза. Даже для экзотической гипотезы Д. Дарского о пленной татарке Анне Ивановне есть вариант – имя Анна фигурирует в списке 5 раз.

Можно, конечно, согласиться с существующей точкой зрения, по которой легенда об “утаённой любви Пушкина” представляет собой вымысел. Но есть одна версия, которую я могу допустить – она единственная из всех не противоречит критерию “утаённой любви”. Слово “любовь” тут безусловно “громкое” слово. И всё же чувства, родившиеся у поэта 19 октября 1811 года на торжественном открытии Лицея при виде “величавой жены”, молодой и удивительно привлекательной, отзвучат в нём стихотворением “В начале жизни. . . ”

Будет это в 1830 году, то есть всего через несколько месяцев после написания им так называемого “донжуанского списка”.

*Её чела я помню покрывало
И очи светлые, как небеса.
Но я вникал в её беседы мало.*

*Меня смущала строгая краса
Её чела, спокойных уст и взоров,
И полные святыни словеса.*

Терцины (строфы, состоящие из трёх стихов), навеянные Дантовой “Божественной комедией”, обращённые к памяти уже ушедшей из жизни в то время императрицы Елизаветы Алексеевны, давно стали преданием о тайной любви Пушкина к супруге Александра I. Впрочем, не только преданием.

Не знаю, был ли японский пушкинист Кейдзи Касама первым, кто соотнёс запись “NN” с императрицей. Вряд ли. Был ли Пушкин замечен императрицей, и она захотела, чтобы он посвятил ей стихотворение? Нет ответа. Но хорошо известно, что в 1818 году лицеист Пушкин отправил Н. Я. Плюсковой, фрейлине императрицы, стихотворение с явным расчётом на то, что его прочтёт не только она:

*На лире скромной, благородной
Земных богов я не хвалил...
Я не рождён царей забавить
Стыдливой Музою моей.
Но, признаюсь, под Геликоном,
Где Касталийский ток шумел,
Я, вдохновенный Аполлоном,
Елисавету втайне пел.
Небесного земной свидетель,
Воспламенённую душой
Я пел на троне добродетель
С её приветною красой.*

Черновики свидетельствуют: в окончательном варианте Пушкин даже приглушил свои чувства, вычёркивая просящиеся на бумагу слова: “Я пел в восторге, в упоенье... Любовь... Любовь, надежду... прелесть...” Дошли ли эти стихи до императрицы или нет, не существенно. Важно, что они были им написаны.

Была ли одна из дерзких выходов молодого Пушкина, когда он вместо мленькой горничной Наташи поцеловал камер-фрейлину княжну В. М. Волконскую, приняв старую деву за молоденькую девушку, случайной ошибкой? Или, не имея возможности поцеловать императрицу, он поцеловал её фрейлину – хотел привлечь внимание своей “богини”? Эпизод забавный, и трактовать его можно как угодно. Сам Пушкин “прокомментировал” случившееся довольно определённо:

*On peut très bien, mademoiselle,
Vous prendre pour une maquerelle,
Ou pour une vieille guenon,
Mais pour une grâce, — oh, mon Dieu, non.*

*(Мадемуазель, вас очень легко
Принять за сводню
Или за старую мартышку,
Но за грацию, — о, Боже! — никак.)*

Главное тут не переборщить в трактовке и не торопиться заявлять, будто то, что эта выходка была преднамеренной и имела отношение к императрице, интуитивно почувствовал её супруг Александр I, который сначала резко отчитал директора Лицея Егора Антоновича Энгельгардта, а позже отправил в ссылку Пушкина. Смею думать, что, возникни вдруг такая мысль у императора, он смешком ввернул бы Елизавете Алексеевне, что она пользуется успехом даже у мальчиков.

Сыграло ли заступничество императрицы перед Александром I (именно к ней обращался Карамзин) решающую роль в судьбе Пушкина, которого вместо ссылки в Сибирь отправили в порядке перевода по службе на Юг в Бессарабию? Очень может быть. Притушить гнев императора и сменить его на милость она могла. Пушкин понимал это, когда обращался именно к Карамзину, у которого, как он знал, были особые личные отношения с императрицей. В его же чувствах к Елизавете Алексеевне возник новый нюанс: та, которую он воспринимал “воспламенённою душой”, защитила его.

Казалось бы, юноша, почти мальчишка, вчерашний лицеист, и императрица (к слову, в момент высылки Пушкина из Петербурга ему 20 лет, ей – 41 год)... Но ведь жизнь порой выкидывает такие фортели, – как говорится, нарочно не придумаешь.

Если предположить, что Пушкин, составляя “донжуанский список”, в той или иной мере придерживался хронологии – так ему было легче припоминать, – то расположение “NN” на четвёртой позиции косвенно подтверждает эту версию.

Кажется, в жизни Александра Сергеевича Пушкина это была самая продолжительная, возможно, самая сильная и, вероятно, наименее эротическая любовь.

От редакции

Мышиная возня у подножья памятника Александру Пушкину

Казалось, что либералы-реформаторы за последнюю четверть века разрушили в России всё, что способно рушиться. Ан нет, их поганые руки дотянулись до несокрушимого – имени Александра Сергеевича Пушкина.

Автор очерка “Немой Онегин”, опубликованного 3 октября 2017 года в “Московском комсомольце”, А. Минкин затеял мышиную возню у подножья нерукотворного памятника русского поэта. Журналист всколыхнул угасающий к себе интерес и достиг желаемого – теперь о нём много говорят, пишут...

Вывернуто наизнанку “грязное бельё”, которое может иметь место у любого человека – самого обыкновенного или гениального. Журналист не поленился покопаться в нечистотах и вытащить на свет худшее, неприличное, ошибочное, что могло быть в жизни и творчестве Александра Сергеевича. И Онегин, оказывается, не такой, как надо, и Татьяна – шлюха. Неужели для

поэзии важно, сколько лет молчит Онегин и с какой скоростью и по какой схеме движения бежит влюблённая барышня Ларина, ломая кусты и цветы? Да пусть она бежит, как хочет, навстречу своей любви! Дело разве в этом? Поэту было всего 24 года, когда он писал “Онегина”! Читателю от тухлого зловонья очерка А. Минкина становится до тошноты погано, так, что хочется бесконечно мыть руки.

– *Посмотрите, какой мерзости вы поклоняйтесь*, – навязчиво намекает нам автор очерка.

– *А раз такое ничтожество и абсолютную бездарь вы считаете гением, то и вся ваша русская литература такая же мерзопакостная, как, впрочем, и весь русский народ, а значит, чтить и уважать просто некого*, – читается между строк.

А. Минкин не первый в когорте злопыхателей поэта. Их было много и при жизни, и после. Где все они, завистники, моралисты, непримиримые критиканы? Растворились на задворках поэзии, утонули в выгребной яме третьесортной литературы. А Пушкин остался на века! Автор очерка хотел “искупаться” в лучах славы, разгромив по всем статьям жизнь и творчество кумира миллионов, а вместо этого “испоносился” зловонными дрязгами и завяз в них у подножья памятника гения, стоящего, – по словам В.А.Жуковского, – на первом месте русского Парнаса. Что ж, каждый выбирает по себе...

Как ведёт себя враг в чужой стране? С чего начинается любой завоеватель? С уничтожения памятников национальной культуры – традиций, религии, литературы. На что направлено варварство завоевателя? На вытравливание исторических и культурных корней народа, на истребление его достоинства и самосознания. Именно так, как ненавистник всего русского позиционирует себя журналист Минкин.

Никто и не говорит, что Пушкин – икона. Ничто человеческое ему не чуждо. В нём сочеталась африканская пылкость и русская бесшабашность, он умел страстно любить и страстно ненавидеть.

Прошло 200 лет. В горниле истории давно истлело “грязное бельё” Александра Сергеевича. Потомкам осталось богатое наследие – могучее СЛОВО русского гения. Давайте оставим в покое Пушкина – человека, и будем наслаждаться лучшими творениями Пушкина – поэта.

*Член Союза журналистов России
Наталья Морсова.*

Это письмо пришло в редакцию “Нашего современника”, когда статья Александра Разумихина уже была в наборе.

Открыли мы текст Минкина.

“Давайте почитаем так, будто это репортаж из сегодняшней газеты”.

Вот и весь ответ. При всём обилии цитат из мемуаров и писем. Минкин не читает – Минкин **вычитывает**. И на вычитанном отбивает злобную чечётку.

“Писал не профессор, а молодой повеса и хулиган”.

“Главы выходили с интервалом в месяц, а чаще в годы. Похоже на издательство”.

“Автор валяет дурака”.

“Это даже не учебник, это энциклопедия растлителя”.

“Герой романа (да и Автор) о целомудрии и правдивости знал не больше, чем обезьяна о симфонии”.

Пожалуй, хватит.

Ни о времени, ни о нравах тех лет, ни об атмосфере эпохи сей новоявленный “пушкинист” не имеет ни малейшего представления. При всей кажущейся начитанности.

Читать “Евгения Онегина” как сегодняшнюю газету такому типу гораздо легче. Сподручнее. Только никогда такие “читатели” не возьмут в толк, что до настоящего понимания Пушкина надо ещё дорасти. И статья Александра Разумихина, по сути, утверждает это.